

ВСЕИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Владимир МОСКАЛЕВ

ДВА ГЕНРИХА

Владимир Васильевич Москалев

Два Генриха

Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24116552

Владимир Москалев Два Генриха: Вече; Москва; 2017

ISBN 978-5-4444-8701-3

Аннотация

Середина XI века, Европа у рубежей Высокого Средневековья. Одна крайность порождает другую: засухи сменяются наводнениями, голод повышает рождаемость, молитвы о грехах даруют прощение, но долгожданный урожай приводит к обжорству и пресыщению. Лихорадит все и вся, вплоть до престола апостола Петра в Риме. На троне сразу трое пап. Даже четверо: один – антипапа. Дабы навести порядок в окрестных землях своей вотчины, германский король Генрих III Черный выступает в итальянский поход. Но не один он мечтает о заветном ключе к мировому господству. У его тезки, французского короля из рода Капетингов, тоже есть свой, не столь прямолинейный, план на этот счет.

Странствующие рыцари, монахи, императоры, крестьяне и шуты – герои нового романа Владимира Москалева – расскажут о своей жизни, полной страстей, радостей и разочарований на пороге эпохи Крестовых походов.

Содержание

Об авторе	6
Часть первая. Генрих III Германский	10
Глава 1. Внук Герберги Бургундской	10
Глава 2. Путь на Страсбург	38
Глава 3. Поединок атлантов	59
Глава 4. Религиозные умонастроения правнуков Ричарда Бесстрашного	91
Глава 5. Бруно, граф Дагсбург, тульский епископ	107
Глава 6. Незнакомка	126
Глава 7. Перед отъездом	143
Глава 8. Гослар	152
Глава 9. В королевском дворце	164
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Владимир Москалев

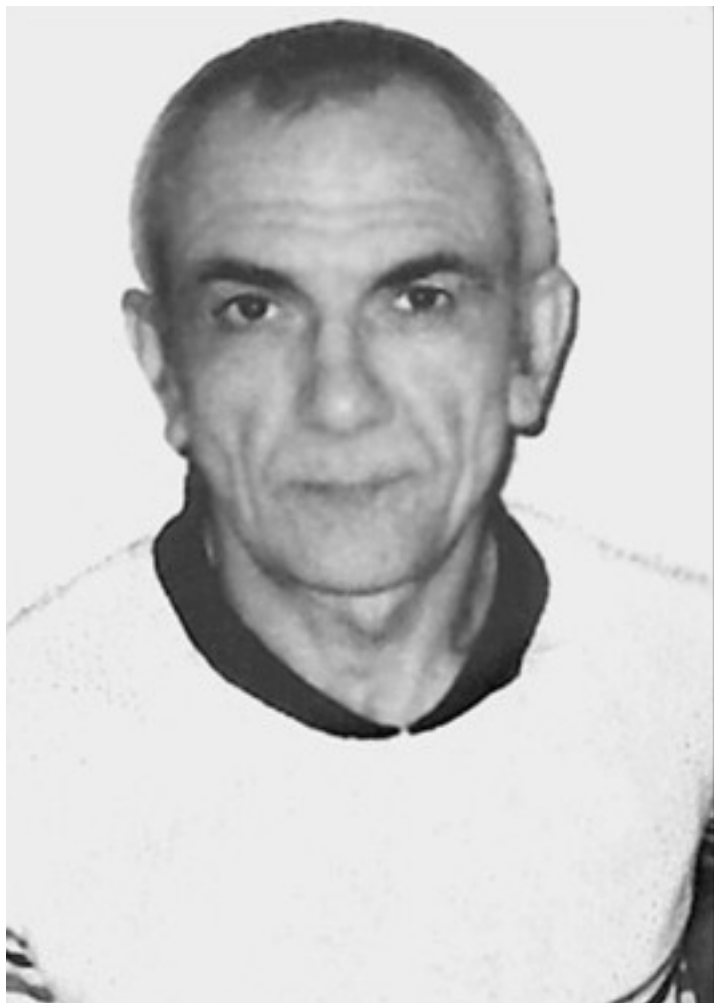
Два Генриха

© Москалев В.В., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия,
2017

Сайт издательства www.veche.ru

Владимир Васильевич Москалев

Об авторе

Владимир Васильевич Москалев родился 31 января 1952 года в Ростове-на-Дону. Там прошло его детство. В школу пошел, когда переехали с отцом в Москву (нынешний район Печатники), и в 1969 году окончил 10 классов (уже в Кузьминках). К этому времени относятся его первые литературные опыты – следствие увлечения приключенческими романами. Это были рассказы – наивные, неумело написанные. Именно с них и начался творческий путь писателя, и тогда же им овладела мечта написать исторический роман. Вот как он сам вспоминает о том времени: «Мне было в ту пору 17 лет. Впервые я прочитал “Королеву Марго” А. Дюма и понял, что пропал. Захлопнув книгу, сказал сам себе: “Клянусь, напишу такую же! Если Дюма сумел, почему не смогу и я? Отныне – вот цель, которой посвящу свою жизнь”». Над ним смеялись, крутили пальцем у виска, прочили ему другое будущее, но все было напрасно. Мысль стать писателем не оставляла его, а жизнь между тем диктовала свои законы.

Надо было куда-то поступать учиться. «Чтобы писать, ты должен хотеть и уметь это делать», – вычитал Володя у кого-то из классиков. Значит, литературный институт. Литературу в школе он не любил, историю терпеть не мог. На этих уроках он засыпал; ему было неинтересно, скучно. С остальными предметами, исключая иностранный язык, дело обсто-

яло не лучше. Как следствие – аттестат запестрел тройками. Какой уж тут институт... Но все же попробовал, в один, другой... Результат, как и полагал, – плачевный. Выход один: работа. Без специальности, без навыков... Выручила армия. Окончил автошколу ДОСААФ, получил права. Затем поступил в аэроклуб (тоже от военкомата). Днем работал, вечером учился. Спустя два года – пилот запаса ВВС.

Простившись с аэродромами, Владимир вернулся домой. Работал шофером, освоил специальность сантехника. Вскоре пришел вызов из летного училища, и он уехал в Кременчуг, а оттуда по распределению – на Север, в Коми АССР. К тому времени им было написано около 15 рассказов, но начинающий литератор никуда их не отсылал, понимая, что пока это только рабочий материал, еще не готовый к печати. Отточив перо, Москалев начал писать свой первый роман о Генрихе IV и через год закончил его. Отнес главу в одно из местных издательств, там округлили глаза: «Признайтесь честно, откуда вы это списали? Автор текста – кто-то из зарубежных писателей».

Вернувшись в Москву, Владимир отдал рукопись романа в литконсультацию и получил ответ: «Никуда не годится, совсем не знаете эпоху, хотя и обладаете богатым воображением». И он с головой окунулся в XVI век. Днями не вылезал из библиотек: изучал архитектуру Парижа, одежду дворян, их образ жизни, нравы, речь – и читал, читал, читал... Одновременно писал новые рассказы и в который уже раз пе-

ределывал старые, продолжавшие ему не нравиться. Первый роман он забросил и написал три новых. Отнес в издательство. Редактор с любопытством полистал рукопись: «Франция? XVI век? Оригинально... Не каждому по плечу. Что ж, попробуем издать». И издали.

Так сбылась мечта. Ну разве опустишь руки? Владимир продолжает много и плодотворно заниматься литературным творчеством. В его писательском багаже кроме романов есть басни о нашей сегодняшней жизни, о людях – хороших и плохих, есть два сборника рассказов, действие которых происходит в России второй половины XX века. Кроме того, Владимир продолжает свое путешествие в далекое прошлое французской истории и пишет пьесы о франкских королях – Хлодвиге, Хильперике I, Тьерри III. Остальные пьесы (а их пять) продолжают эпопею «ленивых королей».

Избранная библиография В.В. Москалева:

«Великий король» (1978)

«Гугеноты» (1999)

«Екатерина Медичи. Последняя любовь королевы» (2001)

«Варфоломеевская ночь» («Свадьба на крови») (2002)

«Нормандский гость» («Гуго Капет», ч. 1, 2014)

«Король франков» («Гуго Капет», ч. 2, 2014)

«У истоков нации. Франки. Пять королей» (пьесы, 2015)

«Истории о былом» (рассказы, 2015)

«Два Генриха» (2016)

Часть первая. Генрих III Германский

Глава 1. Внук Герберги Бургундской

День 17 апреля 1046 года выдался пасмурным. Изредка моросило. С Западных Альп, где брали начало Рона и Аре, сквозь теснины порывами налетал холодный ветер, рябил на озерах воду, гнал прошлогоднюю листву.

На вершине невысокого пологого холма, поросшего лежальной травой и вереском, стоял, опираясь на копье, человек атлетического сложения, высокого роста. На нем туника, кольчуга, поверх нее кожаный панцирь с медными бляхами. Голова его обнажена, капюшон из колечек откинут на шею. На ногах – кожаные штаны, заправленные в сапоги с золочеными шпорами. Рядом с ним конь гнедой масти, слева у него к седлу приторочена секира, справа – шлем. Обычное снаряжение рыцаря. Ко всему этому на боку у незнакомца висел длинный меч в ножнах, а у пояса красовался кинжал с цветной рукоятью.

Спешившийся всадник молча глядел вдаль, на замок, стоящий на вершине другого холма, выше и круче этого. Взгляд этого человека не выражал любопытства; в его голубых гла-

зах и на скорбно поджатых, едва растянутых в подобие улыбки тонких губах читался лишь легкий оттенок грусти. Соломенные волосы незнакомца развевались на ветру, широко раздутые ноздри крупного носа с шумом выдыхали воздух.

Его конь мирно щипал зеленую мураву, пробивавшуюся сквозь заросли жухлой травы. Человек подошел к нему, положил руку на холку, другой рукой повернул к себе морду коня и проговорил:

– Непростое, наверное, это дело – быть странствующим рыцарем, верно, Робюст?

Конь наострил уши; умные, преданные глаза глядели на хозяина. Тот прижался к нему щекой.

– Но стоит ли печалиться, коли рядом с тобой верный друг?

Конь тихонько заржал в ответ, переступил ногами, шумно вздохнул. Незнакомец взъерошил ему гриву, огладил щеки и вновь устремил взор на замок, чернеющий в дали промозглого утра, точно ворон на кочке.

Путешествие было неизбежным, Ноэль давно готовился к нему, не знал только дня отъезда. Старый граф обещал сказать, но всё тянул время. Оказалось, выжидал срока, установленного его матерью четверть века тому назад. Он поведал об этом сыну, когда тот вошел как-то к нему в комнату. Она находилась на самом верху главной башни замка Готенштайн, господствовавшего над обширной местностью с несколькими деревнями на юге швабского герцогства, у са-

мой границы с бургундским королевством, там, где берет начало первый левый приток Рейна.

– Сын мой, – сказал старый граф Эд, когда они вдвоем стали у окна, напротив друг друга, – пора тебе отправляться в путешествие, искать свою долю. Не век же тебе сидеть с отцом в этом замке, да брюхатить служанок и дочерей крестьян из наших деревень. Тебе уже двадцать пять лет. Именно такой срок отвела своему внуку твоя бабка Герберга Бургундская. Когда она во второй раз вышла замуж за Германа Швабского, ей было тоже двадцать пять. Может быть, отсюда и возникло такое решение.

– Согласен, отец, мне и в самом деле пора отправляться в странствие. Довольно наслаждаться покоем в родовом гнезде. Надо, черт возьми, чем-нибудь заняться.

– Но ты ничего не знаешь о своих родичах, я никогда не говорил тебе. Ты всего лишь граф Ноэль фон Готенштайн, сын графа Эда, гроза всех местных рыцарей и женщин. Силой с тобой равняться некому, умением владеть оружием – можно по пальцам счесть. Сейчас ты узнаешь, откуда в тебе мощь Геркулеса, рост Антея и нрав служителя культа Котито¹.

– В самом деле, меня часто спрашивают о моих предках, но я отмалчиваюсь, ничего не зная об этом, – ответил сын. – Один рыцарь сказал, будто бы я напоминаю далекого потом-

---

¹ Котито – богиня распутства, культ которой был распространен и в Риме, и в Афинах. (Здесь и далее примечания автора.)

ка нормандского герцога Роллона. Но история с этим викингом полна тайн, и я не смог ничего ответить ему. Хотелось бы, в конце концов, знать о себе что-то определенное.

– Род наш идет от этого норманна, твой рыцарь верно подметил, – кивнул старый граф. – Один из правнуков этого Роллона по имени Можер жил некоторое время при дворе франкского короля. Это был человек огромного роста и недюжинной силы. Движением руки он мог свалить лошадь. Убивал человека, подняв за ноги и стукнув головой об пол. Ударом кулака мог пробить стену. Словом, был силен, как Голиаф и Самсон. Что ему ворота Газы! Он утащил бы на своих плечах, кажется, башню святого Ангела, что стоит у входа в Папский дворец. А сколько он имел женщин! Нетрудно догадаться, не правда ли? Однажды он приехал к герцогине Лотарингской, у той как раз гостили две дочери короля Конрада, сводные сестры Герберга Бургундская и Гизела Баварская. Обе не отличались строгостью поведения и тотчас положили глаз на красавца викинга. Он пробыл там недолго, но этого оказалось достаточно, чтобы через положенное время от одной из сестер на свет появился твой отец².

– Черт побери! – воскликнул Ноэль. – Выходит, в наших жилах течет кровь германских королей и нормандских герцогов!

– Да, но для всех я являюсь сыном графа Германа Верльского, первого мужа Герберги. Прошло не так уж много вре-

---

² См. книгу «Нормандский гость».

мени со дня его смерти до визита нормандца к герцогине Лотарингской, так что никто ничего не заподозрил, и я не стал бастардом в глазах людей. Правду знали трое: обе сестры и сам Можер. Вскоре узнал об этом и я. Умирая, мать открыла мне эту тайну. Ты можешь хранить ее, но имеешь право огласить, это как тебе угодно. На смертном одре Герберга пожелала, чтобы ты узнал обо всем, но не распорядилась о разглашении твоей родословной. Ей было уже все равно. Да и какая, в общем-то, разница – тот отец или этот? Оба графы. Нормандец даже знатнее. Вся разница в том, что, по сути, я – бастард. А замок этот – одно из владений ее первого мужа, который погиб молодым, не оставив после себя детей.

– А сестра Герберги, моя бабка Гизела? Как я понимаю, она тоже не обошла своим вниманием графа Можера?

– С нее он и начал. Вскоре она родила дочь, которая стала аббатисой монастыря святого Павла. И она твоя тетка. Но не родная, ведь дочери короля Конрада от разных матерей. После появления на свет дочери Гизела Баварская – ее мужем был Генрих Строптивный – родила еще троих детей. Все они давно умерли. Один из них – император Генрих Второй, мой двоюродный брат. А у аббатисы были сын и дочь. Сын – племянник покойного императора Генриха. Отчего бы ему не стать королем после смерти бездетного дяди? Казалось бы, так и должно было случиться, но на деле вышло иначе. Род Гизелы отошел в тень, бразды правления перешли в руки потомков Герберги, в жилах которой текла кровь одного

из Каролингов, Людовика Заморского. А сын аббатисы был убит в рыцарском поединке.

– Выходит, отец, мы приходимся родней не только нормандским герцогам и германским императорам, но еще и франкским королям!

– Это так. Но через два года после смерти мужа твоя бабушка Герберга вновь вышла замуж, а еще через год на свет появилась дочь Гизела Швабская, моя сестра и твоя тетка. Когда ей исполнилось двадцать шесть лет, она вышла замуж за короля Конрада Второго. Оба супруга вскоре отправились в мир иной, но от них остались дети. Догадываешься, кем они тебе приходятся по материнской линии?

– Кем же еще, как не двоюродными братьями и сестрами! Ведь именно это ты хотел сказать? Подумать только, а я их совсем не знаю. Постой... но если моя бабушка Гизела была женой короля, значит, ее дети – принцы крови! Кто же тогда я?..

– Они франконцы, саксонской крови Оттонов в них нет. Ты же не имеешь ни того, ни другого. Но есть нечто, роднящее вас. Вы являетесь потомками угасшей династии Каролингов: твоя и их прабабушка Матильда была дочерью Людовика Четвертого.

– Расскажи мне, отец, о моих кузенах и кузинах. Где они, сколько их, как мне повидаться с ними?

Старый граф усмехнулся и печально покачал головой:

– А ты уверен, что эта встреча доставит тебе удоволь-

ствие?

– Еще бы, ведь никого из них я никогда не видел.

– Двоих тебе не увидеть уже никогда. У моей сестры было трое детей: две девочки и один мальчик. Старшую дочь звали Беатрисой. Ровно десять лет назад она умерла от воспаления головного мозга. Врачи оказались бессильны. Но еще двумя годами раньше ушла в мир иной ее младшая сестра Матильда. Однажды на прогулке ее лошадь понесла и упала с обрыва в реку. Девчонка могла спастись, но запуталась ногами в стремях. Огромная льдина накрыла и лошадь, и всадницу. Обоих – мать и отца – подкосило это двойное горе: Конрад умер три года спустя, Гизела – через семь лет.

– Будь проклята эта сумасшедшая кобыла! – в сердцах воскликнул потомок короля Конрада. – Однако, отец, ты оказался прав, мое путешествие окажется невеселым: мне придется совершить паломничество лишь к могилам моих родичей.

– Ты забываешь о дочери аббатисы и третьем ребенке моей сестры Гизелы, мальчике.

– Этот хоть жив? Смогу я его увидеть? Кто он нынче?

– А ты не догадываешься? Твой дед тоже не любил ломать голову над подобными вопросами, предпочитая давать работу скорее рукам, нежели голове. И все же он неплохо сообщал, иначе не иметь бы ему такой красавицы жены.

– Этот парень, сдается мне, уже далеко не молод, – стал рассуждать Ноэль, – и если он сын усопшего короля, то, вы-

ходит, что он... Святые небеса! Клянусь халатом Иоанна Крестителя, мой брат – король!

– Нынешний германский король Генрих Черный, ты попал в точку. Однако, судя по всему, ему нет дела до первого брака своей бабушки Герберги. Во всяком случае, он не предпринимает никаких шагов в поисках своих родственников.

– Бойтся, они отнимут у него престол?

– Вряд ли. Кто посмеет стать поперек дороги сыну короля Конрада Второго? У него неограниченная власть, и в будущем он – император. А сейчас он король Германии и Бургундии, герцог Баварии и Швабии, регент Каринтии. Может быть, тебе удастся встретиться с ним, но не вздумай при этом корчить из себя знатную особу, брата короля! Даже в мыслях не держи заявлять о своих правах. Будь терпимым, проявляй послушание и стань для него другом, только и всего. Можно, конечно, не раскрывать своего происхождения и объявить себя под другой фамилией, но это будет нечестно, совсем негоже для рыцаря. А услышав название замка, Генрих, вероятно, догадается, кто перед ним. Если он будет рад этой встрече, вы станете друзьями; проявит холодность и враждебность – уйди от него. Но я говорю об этом на всякий случай. Кто знает, произойдет ли такая встреча?

– Что ж, посмотрим, угодно ли это будет небесам, как говорят монахи, – резюмировал молодой швабиец. – Но вот еще что: отправляясь странствовать, я могу повстречаться с дочерью аббатисы, своей кузиной. Как ее зовут и кто она?

– Кто – мне неизвестно, не знаю также ее имени.

– Тогда эту задачу мне придется решать самому, если только на этом все и кончится.

– Отнюдь, ведь Можер был женат, причем дважды. Он основал род графов де Корбейль, а до этого его женой была... монахиня³.

– Монахиня? – рассмеялся молодой граф. – Но ведь это ни на что не похоже! Ты шутишь, отец? Или во времена последних Каролингов считалось модным выдавать замуж Христовых невест?

– Эта монашенка, сама о том не подозревая, оказалась графиней де Бовэ. Так вышло, что в этом графстве умерли хозяин с хозяйкой, и оно осталось без наследников. Герольды и ходатаи по делам королевства с ног сбились, ища законного владельца, но найти не смогли. Оставалась последняя кандидатура – незаконнорожденная дочь покойного графа де Бовэ, кроме нее наследовать графство было некому. Так и доложили королю Гуго. Тот приказал разыскать владелицу, достать хоть из-под земли, но поиски ни к чему не привели. Дочь графа по имени Изабелла как в воду канула. Хотели уже назначить торги, но король выхлопотал у судейских еще год срока. Он все-таки был честным малым и хотел торжества справедливости. И вот в то время, когда срок уже подходил к концу и помещьем собирался завладеть один вельможа, в Париже объявилась некая монашенка. Мало того,

---

³ См. книгу «Король франков».

она оказалась в королевском дворце. Однажды король разговорился с ней, и она поведала ему свою печальную историю. Оказалось, ее мирское имя – Изабелла, а ее отцом был граф де Бовэ. Король искренне удивился и обрадовался такому внезапному стечению обстоятельств. Так монахиня стала графиней, а наш предок – ее мужем. Говорили, их любви завидовали все в королевском дворце, а когда Можер уехал в свое новое поместье, фрейлины лили горькие слезы.

– Не сомневаюсь, мой дед любил женщин и они его, коли так убивались, – заметил Ноэль. – И все же предпочтение отдал одной. Так и случается в жизни. Не удивлюсь, если окажется, что у него не было постоянной любовницы.

– Ошибаешься. Он оставил ее в Лане, собираясь уезжать в Париж. А когда они простились, она поняла, что потеряла его: такие, как он, не остаются надолго без женского внимания. Мне даже жаль ее, но так уж вышло. И потом, ведь она была ему неровней. Но очень любила и горько плакала, когда он уехал. Все ждала от него весточки, но доходили лишь слухи о его любовных похождениях. А однажды в Лан прибыл человек из Парижа. Он желал встретиться с Вией, так звали эту женщину. Встреча эта состоялась. Оказалось, посланца снарядила в дорогу одна высокопоставленная особа, которой понадобился яд. Узнав, что Вия хорошо смыслит в таких вещах, она и отправила к ней гонца. Тот хорошо заплатил, взял флакон с ядом и умчался. Но прошло совсем немного времени, и до Вии дошла весть, что яд предназначался Може-

ру, а отравительницей хотела стать Сюзанна-Розалия, первая жена юного короля Роберта. Видно, этот нормандец чем-то здорово досадил ей, коли она решилась на такой шаг. Позже выяснилось: она не смогла найти изготовителя ядов в Париже, поскольку была чужой и никого тут не знала. Но среди придворных оказались жители Лана, хорошо знавшие Вию и ее ремесло врачевательницы и искусницы в приготовлении всяких снадобий. Делу способствовало еще и то, что новой королеве Сюзанне стало известно о любовной связи Можера с Вией. Дама весьма желчного характера, эта особа загорелась мечтой погубить нормандца рукой его же любовницы.

– И что же, Вия, сама о том не догадываясь, отравила своего возлюбленного? – ужаснулся сын, с замиранием сердца слушая рассказ.

– У нее еще было время исправить ошибку, гонец не успел отъехать далеко. Узнав обо всем, она бросилась за ним следом, но догнать не могла. Тот, видя, что его преследуют, по-хоже, догадался, в чем дело и помчался как ветер. Но Вия не отставала от него. Потом, убедившись, что ей не догнать всадника, она схватила лук и пустила ему вдогонку стрелу...

– Попала?..

– Убила наповал. Она была хорошей ученицей и часто принимала участие в стрельбе из лука, которую любил устраивать Людовик Пятый, последний из Каролингов. И там, в поле, стоя над остывающим телом гонца, она возблагодарила Бога за то, что он надоумил ее прихватить лук и стрелы.

– Отец, откуда тебе об этом известно, ведь тебя тогда еще на свете не было! Кто мог тебе рассказать?

– Сама Вия. Мы встретились с ней однажды в Лане, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе. Она многое мне рассказала о славном нормандце, сыне герцога Ричарда, не догадываясь, что я его сын. Сказала также, что увиделась с Можером в девяносто шестом году, когда умер король Гуго, а вслед за ним герцог Ричард. Эта встреча не прошла для нее бесследно: она родила дочь. Но нормандец об этом не узнал.

– Жаль, что он так мало пожил, хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на своего деда, – вздохнул внук Можера. – Теперь осталось только побывать на его могиле. Найду также кладбище, где похоронена Изабелла, его супруга, и поклонюсь ей. Но эта Вия... Кажется, она оставила глубокий след в твоей душе. Что связывает тебя с ней и жива ли она сейчас? Если нет, то где похоронена? И еще. Как умерла моя мать? Отчего? Почему ты всегда туманно говорил мне об этом?

– Потому что ты тотчас бросился бы ее искать, а я не мог нарушить слова, данного собственной матери.

– Значит, она жива?!

Старый граф грустно покачал головой в ответ и промолвил:

– Если так, она жила бы в этом замке.

– Кто же она? Кто эта женщина, подарившая мне жизнь? Быть может, простолюдинка, и тебе не хочется говорить об

этом?

– И да, и нет. Она и в самом деле из простонародья, но ее родословная уходит корнями к потомкам прадеда Карла Великого Пипина Геристальского. После смерти последнего Каролинга его мать Эмма выдала ее замуж за барона, но случилась война и барон погиб. Так она осталась одна, эта женщина, ибо не только ее мужа, но и их детей настигла смерть. Несчастья продолжали преследовать бедняжку: вскоре умерла и ее дочь от Можера.

В семнадцатом году, когда мне было тридцать лет, я женился на дочери графа Вецларского. Это была женщина-воительница, амазонка, настоящая Афина Паллада! Мечом и копьем она владела не хуже любого рыцаря. В то время нашим врагом был некий граф, ее дальний родственник. Его замок стоял не так уж далеко от нас, и жена подговорила меня совершить набег на земли своего родича и захватить их. Мы объявили ему войну и выступили в поход. Сражение было кровопролитным, много людей отдали богу душу. В этой битве погибли оба: и граф, и моя жена. Они летели друг на друга подобно двум ястребам, оспаривающим друг у друга добычу, и победный крик издавали, выставив вперед свои копья... И оба упали, пронзенные насквозь.

Так я потерял жену. Вскоре мы вновь встретились с Вией, причем совершенно случайно. Однажды в походе занемог мой близкий друг, знатный вельможа. Мы заехали в какой-то замок. Бросились искать лекаря, но не нашли. И то-

гда привели ее: оказалось, она гостила в этом замке у какого-то своего родственника по линии покойного супруга. О, эта женщина хорошо знала свое ремесло, вряд ли кто умел врачевать лучше нее. Нам пришлось пробыть здесь несколько дней, и так вышло, что мы с Вией, даже и не думая ни о чем подобном, оказались на одном ложе.

Приятель мой вскоре выздоровел, и мы вновь отправились в поход. А в следующем году, в тысяча двадцатом... Кто бы мог подумать! Она пришла ко мне в замок Верль, держа на руках грудного младенца. Я спросил ее, чей он? Вряд ли ее, ведь ей было уже пятьдесят лет! И тогда... веришь ли, сын, она сказала, что это наш с нею ребенок, а с той ночи прошло уже девять месяцев.

– И этот ребенок?.. – весь подался вперед молодой граф, не сводя с отца горящих глаз. – Это был мальчик?..

– Он выглядел таким забавным... Она сказала, что у него еще нет имени и спросила меня, как я хотел бы его назвать. Я затруднялся с ответом, и тогда она сама дала ему имя. Она назвала его...

– Отец!!

– ...Ноэлем.

– Так это была моя мать?! – вскричал сын и, бросившись к отцу, вцепился ему в плечи. – Значит, ее звали Вией?

Старый граф кивнул.

– Дальше! Что же дальше? Почему я остался без матери? Где она?! Где та, которой я обязан своим появлением на

свет? Где та женщина, чьи руки я готов целовать, ее саму боготворить и молиться на нее? Где та, которую я никогда не видел и не говорил ей, сидя рядом и целуя ее глаза: «Мама, милая мама?!»

Старый граф молчал, хмуро глядя вдаль на убегающую к горизонту темную полосу леса, скрывающуюся между гор. Наконец глухо промолвил, обнимая сына:

– Когда тебе исполнилось два года, на наш замок напал рыцарь с войском, некий барон фон Майнленц. Мы жили тогда совсем в другом месте, далеко отсюда, в замке Верль. Войны случались чуть ли не ежедневно, феодал не желал бездельничать. Внешний враг исчез, значит, надо воевать с приятелем, соседом, родственником: только так можно разбогатеть. Напали и на наше поместье, забросали его стрелами и подожгли. Людей – кого порубили, кто стал пленником. На меня налетели сразу трое, едва не изрубили в куски. Потом, передумав, бросили меня в телегу, собираясь увезти в свой разбойничий замок и там дожидаться выкупа. Я крикнул им, чтобы они отдали мне ребенка и жену: выкуп станет весомее. Они согласились, но жены не нашли и увезли нас с тобой двоих. Я оглянулся: наш деревянный замок горел, деревню тоже сожгли, все было залито кровью и усеяно трупами. Сказать, что в башне остался кто-либо живой, мог разве что сумасшедший.

Так ты навсегда потерял свою мать. Думаю, она сгорела вместе со всеми. А коли осталась жива, то нас с тобой уж

не могла найти. Сестра Гизела внесла за нас выкуп, а потом подарила замок Готенштайн. Здесь я и вырастил тебя, сын, с помощью кормилицы, слуг и служанок. Все это время я тоже воевал, забирал земли, брал с пленников выкуп. При этом я всегда милостиво обращался с ними, помня слова того, кто в свое время пленил меня самого. «В этот раз победил я его, – сказал тогда рыцарь своему приятелю, – но кто даст гарантию, что вскоре он не победит меня? Тогда обращение его со мной будет столь же жестоким, как и у меня с ним».

Тому уж минуло много лет. Я стал стар, мне не до походов. Да и войны случаются уже крайне редко. Но если кто и вздумает устроить осаду нашего замка, обломает себе все зубы. Он неприступен, весь из камня, сам знаешь.

Такова история твоего рождения, мой мальчик. Дальше тебе все известно. А твоя мать... Чудес на свете не бывает, но если ей и удалось тогда каким-то чудом уцелеть, то до нынешнего времени она уже не дожила.

– И все же ты не уверен! Сомнения одолевают тебя, я вижу это.

– Ей уже семьдесят шесть лет. В наше время редко доживают даже до шестидесяти. Надежды, как видишь, нет никакой. Хотя...

– Ты нашел ниточку, за которую можно ухватиться? Скажи скорее, где она, и я помчусь искать конец этой нити, хотя бы для этого мне пришлось странствовать по дорогам Германии и Франции всю мою жизнь!

И отец сказал, подав надежду, точно окрылив сына этими словами:

– Если она и не сгорела тогда, то должна остаться в живых, несмотря на годы. Ведь она знахарка; знала множество трав и корней, дающих силы, не пила ничего, кроме родниковой воды, а по утрам купалась в холодном ручье. Так что если вопреки всякому здравому смыслу встретишь свою мать, то не скажешь, что ей уже столько много лет. Поверь, я знаю, что говорю. Когда она с тобой на руках пришла в замок, никто и не подумал, что она прожила уже полвека и видела последнего Каролинга, тем более, читала с ним деяния древних и Священное Писание. Она умывалась настоем из листьев и цветов, и ее лицо, без морщин, дышало свежестью, а пахло от нее всегда луговыми травами, лесным ландышем и земляникой.

– И это все приметы, по которым я смогу найти свою мать? – в отчаянии воскликнул Ноэль. – Но тысячи женщин делают такие настои и мажутся кремами, пахнущими ландышем!

– Однако не каждая при этом, имея от роду семьдесят шесть лет, выглядит на пятьдесят.

– Твоя правда, – подумав, согласился сын. – Отныне это и будет моей путеводной звездой. И если случится, что я найду мою мать...

– Все еще надеешься? – печально улыбнулся граф Эд.

– ...тогда я непременно привезу ее в наш замок! Ты при-

ставишь к ней монаха, и он будет писать то, что она расскажет ему о временах своей молодости.

– Согласен, но для этого ты должен ее встретить. Задача не из легких: объехать всю Германию или Францию – не Швабию пересечь. Но времени у тебя достаточно, и куда заведет тебя твой путь – лишь Богу ведомо. На твоём плече родимое пятно, а от него, внизу – шрам от ожога, который чуть не уложил тебя в могилу, когда ты был ещё ребенком. И здесь же, на шраме, белые пятна – память о собачьих зубах. Знай: та, которая назовет тебе эту приметку, и есть твоя мать. А пока я хочу одного: отыщи хоть одного из своих братьев или сестер и привези сюда, пусть погостит. Я хочу полюбоваться на вас, сравнить, отдохнуть душой, на вас глядя. Может быть, это мой последний в жизни каприз, ведь мне скоро шестьдесят. Жаль, что нам с матерью не удалось подарить тебе брата или сестру. Но я без конца воевал, ведь мой сеньор всю жизнь провел в походах. Не было конца войнам. Наш замок тоже подвергался осаде и не раз. Вассалы короны грабили друг друга кто как мог. Сейчас у короля сильная власть, он сумел привести к повиновению строптивую знать. А вот Генрих Французский слаб. Его власть незначительна. Феодалы не признают короля и продолжают заниматься разбоем на всех дорогах Франции.

– Оставим Францию, отец. Что же дальше? У тебя появилась другая женщина?

– Моя следующая жена оказалась бесплодной. Прошло

три года – детей все нет. Тогда я выгнал ее и привел в дом другую. Спустя год она родила мертвого ребенка, при этом сама умерла. А годы шли, ты вырослел, и я отдал тебя в пажи франконскому герцогу. Потом ты стал его оруженосцем, а вскоре герцог торжественно посвятил тебя в рыцари, ты произнес клятву и стал обладателем золотых шпор. Теперь ты должен быть лишь мужественным.

– Так мне сказал и герцог, опоясав мечом и ударив ладонью по затылку. Таков обряд посвящения. Потом он добавил: «Защищай женщин, ибо мужская честь, после Бога, нисходит от них. Не роняй своей чести, борись против лжи и вероломства. Почитай и люби Бога, сражайся в защиту матери нашей Церкви». Так напутствовал меня сеньор.

– Новые времена, иные люди, – вздохнул отец, качая головой. – Когда я был молодым, рыцарем считался тот, кто сильнее. Бога не чтили, честью называли грабеж, убийство и вероломство, а женщин не уважали. Да и сами женщины были дикими и жестокими, метали копье, махали мечом. Ныне человек стал другим, редко кто нападает на соседа.

Знаю, поедешь во Францию, Германия тебя не удержит. Но будь рыцарем и там, где властвуют сила, злость, вражда, где женщины пускают стрелы и рубят мечом. У франков царит анархия, порядка нет. Каждый делает что хочет, на короля плюют. Полно безбожников, мошенников, лжецов, убийц, а рыцари кровожадны. Каждый живет для себя, сам себе хозяин и мечтает только об одном – ограбить соседа, взять его

в плен и получить выкуп. Таковы франки, народ неуправляемый, дикий. По малейшему пустяку хватаются за мечи, а нет – пользуются ядом и кинжалом. Будь с ними осторожен и всегда рази первым, коли почувешь врага. Дерись смело, не думая об опасности; ты хорошо обучен бою, стрельбе из лука, метанию копья. Герцог хвалил тебя. И люби женщин, сын! Честное слово, они заслуживают этого. Разумеется, лучшие из них. Но много и скверных. Сумей выбрать. С теми, кого отверг, будь настороже: нет никого коварнее женщины, которую презрели, особенно в угоду сопернице. Это тайный враг, его меч не возьмет, поскольку он действует хитростью, прячась у тебя за спиной.

– Я буду таким, как мой дед Можер! Слышал я, о нем до сих пор говорят при дворе французского короля.

– Еще бы! Король Роберт послал его однажды в Рим к папе, а тот взял да и нагрубил сыну Ричарда. Недолго думая, Можер придушил Иоанна Семнадцатого и выбросил из окна.

– Черт возьми, настоящий дьявол! – восторженно воскликнул внук знаменитого нормандца. – Истинный пример для подражания.

– Мечтаешь швырнуть в окно нового папу Григория? Или всех четырех, одного за другим? Кажется, они там никак не найдут того, кто больше заплатит за престол святого Петра.

– Черт знает что происходит в папском государстве! Придет ли этому конец? Может быть, Генрих Черный наведет у них порядок? Ведь что ни папа – то руки по плечи в крови, на

совести сплошь подлоги, подкупы и убийства, грабеж населения и бесчисленные оргии с откровенным развратом. Так, помнится, рассказывали паломники.

– Кажется, до короля еще не дошли жалобы. Но дай срок, он скоро перевалит через Альпы и нанесет визит Латерану. На его месте я прихватил бы с собой епископа, чтобы сделать его папой, а эту свору лживых и продажных пап и антипап, что шмелями кружат вокруг трона, передушил бы, как сделал это мой отец.

– Постараюсь быть достойным его внуком! Хотелось бы, как и ему, добраться до пап.

– Достойным, говоришь? – усмехнулся старый граф. – А известно ли тебе, что твой дед был безбожником?

– Как! Сын Герцога Ричарда не верил в Бога?

– Ни в Господа, ни в дьявола! Все, что связано с верой, церковью и попами, отвергал. Не признавал ни Христа, ни Девы Марии – никого! Но, как бы тебе сказать... подводил под это убедительную теоретическую основу. Он утверждал, например, что никакого Бога нет и быть не может, а религия выдумана церковниками для того, чтобы дурачить народ, держать его в невежестве и повиновении, убить в нем волю к сопротивлению, подавить способность мыслить, рассуждать, быть готовым к восстанию. А раз нет Бога, то не было ни потопа, ни Вавилонской башни, ни его мифического сына. Как же тогда появился Бог? Ответ прост: его породил страх. Бессилие человека в борьбе с природой, неумение истолко-

вать ее законы – вот откуда взялась религия. Она была выдумана хитрецами, чтобы подчинить людей своей власти, внушив им страх перед преисподней, муками в котле грешников и прочей чепухой. Речи церковников основаны на баснях; христианская религия ничему не учит, лишь уводит разум в сторону, а душа, если она есть, умирает вместе с телом. Так рассуждал твой дед, пытаясь открыть глаза людям. Что скажешь на это? По-прежнему желаешь быть похожим на него?

Ноэль задумался. И отец вдруг со страхом увидел, что некоторые из брошенных им невзначай зерен атеизма попали на благодатную почву. Что если они дадут ростки и его сын станет еретиком? Чудовищная мысль, так недалеко и до отлучения. Пожалуй, не стоило заводить об этом разговор. Плененный образом своего деда, молодой граф и в самом деле способен натворить безумств.

Размышления Ноэля тем временем вылились в вопрос:

– Вряд ли он сам пришел к таким выводам. Ясно, что у него был наставник, человек, понимающий больше других. Глубокими познаниями может обладать лишь мудрец, получивший образование в монастырской школе. Отсюда делаю вывод: его ментором являлось духовное лицо – тот, кто всерьез задумался над верой.

– Ты прав, он брал уроки у монаха. Они дружили.

– И этого монаха бесы не утащили в преисподнюю? Его не поразил раньше времени гром небесный, не разверзлась у него под ногами пропасть ада?

– Представь себе, он дожил до глубокой старости, был весьма уважаемым и почитаемым людьми человеком.

– За критику Священного Писания?

– Он умел держать язык за зубами. А после смерти своего друга и вовсе перестал высказывать свои атеистические убеждения. Потом стал епископом. Умер в один год с императором Конрадом, семь лет назад.

Ноэль хмуро глядел вдаль на извилистую серую ленту горного ручья, несущего свои воды к Рейну. Его дед... Значит, он был еретиком. Хуже, безбожником! Что заставило его утратить веру в Бога? Как смог он узреть то, чего не видели другие? А может быть, не хотели видеть, не могли уже, давно ослепленные, одураченные, напуганные? А его ум вырвался из мрака невежества и потянулся к свету, который церковь всеми силами старается загасить, дабы люди не увидели фальши, продажности, откровенного обмана. Ведь вот папы... душат один другого в борьбе за теплое место. Но разве Бог толкает их на это, приказывает: изгони, отрави, убей! А ведь они беседуют с Ним, просят совета. Как же Бог допускает подлог, продажу, разврат и даже убийство у престола своего апостола Петра? Выходит, он и сам таков, какими хочет сделать других, своих наместников на земле? Так кому же молиться: тому, кто поощряет убийства, вероломство и ложь? И какое имеет право продажный, лицемерный папа приказывать и отлучать, если сам нечист на руку, если святое место для него – всего лишь предмет купли-продажи, за

которой таится яд, сверкает кинжал... стережет смерть!

Ответа на эти вопросы в замке не найти. Ничего, кроме тесных и мрачных комнат, наводящих скуку, граничащую с отупением, здесь нет. Разогнать эту скуку, посмотреть на людей, увидеть жизнь во всем ее многообразии – об этом молодой швабиец мечтал уже давно. Он жаждал деятельности, его влекло общество людей. Его манили приключения, схватки, войны. Он задыхался в замке, его пьянил воздух свободы. Но отец не отпускал, был верен обещанию, которое дал когда-то своей матери. Ныне срок вышел.

Старый граф посоветовал сыну взять с собой оруженосца. В самом деле, достаточно неудобным казалось восседать на лошади с мечом, копьем, щитом, боевым топором и шлемом. Найти такого помощника не составило труда: в замке жил саксонец Арни, сын барона фон Велонна и товарищ Ноэля. Ему исполнилось уже тридцать лет. Он начал с пажа, добросовестно прошел курс обучения и стал оруженосцем, но дальше этого не пошел, отказавшись от рыцарства. Это был хитрый и ловкий малый, к тому же весельчак. Услышав приказ господина, он не стал сетовать на разлуку со своей возлюбленной, а лишь махнул рукой, заявив, что найдет себе сотню таких. Девица, узнав, – в слезы, но Арни только усмехнулся и тотчас успокоил ее, пообещав скоро вернуться и наказав ей ждать его. Немного помедлив, прибавил:

– А впрочем, дело твое. Меня ведь могут убить; что же, так и будешь ждать мертвеца?

– Но почему ты? – попыталась выяснить юная дочь замкового кастеляна. – Ведь есть еще оруженосцы...

– Замолчи! Граф Ноэль мой друг и любит меня. Знаешь ли ты, что такое мужская дружба? Нет? Так и не пытайся понять. Женский склад ума не способен усвоить это. Молодой рыцарь ни на мгновение не задумался, сразу же выбрав меня, и за это я готов жизнь отдать за него. К тому же, мне пора уже познать на деле, что такое война. Слава богу, меня научили обращаться с оружием.

Это и в самом деле было так. Арни ежедневно упражнялся во владении мечом и копьем, а в стрельбе из лука ему и вовсе не находилось соперника. Поэтому, узнав, что едет странствовать с молодым графом, он едва не расцеловал его. Ограничился, правда, счастливой улыбкой и крепким рукопожатием.

И рано утром оба приятеля, если их можно так назвать, помолвившись святому Юлиану, покровителю путешественников, выехали из ворот замка.

...Постояв немного, а потом разом оборвав воспоминания, Ноэль обернулся:

– Арни! Какого черта! Так и будешь сидеть в седле? Бери копьё и мой топор. Остальное останется при мне.

Сын барона, одетый в длинный кафтан и двухцветные штаны, заправленные в сапоги, взял секиру.

– Клянусь преисподней, – тотчас возопил он, сооротив

уморительную гримасу, – жаль, что вместо ослиной челюсти у Самсона не оказалось такого вот топора. Дело у него подвинулось бы вдвое быстрее. Ей-богу, такую штуку впору поднять как минимум троим!

– Знаешь ли ты, дурья голова, что эта боевая секира – любимое оружие моего деда! Им он разрубал сарацина пополам! Что же ты думаешь, его внуку не поднять такую игрушку?

– Ваша правда, герр Ноэль... – отозвался оруженосец.

– Называй меня сеньором, как это принято у франков.

– Хорошо. Так вот, это оружие под стать такому великану, как вы и ваш досточтимый родственник. Вы поделились со мной этой новостью, поэтому я уже кое-что знаю о нем. Не исключено, что нам удастся раздобыть еще какие-нибудь сведения о его деяниях и потомках, которые разбросаны, сдается мне, от Нормандии до границ Италии.

– За этим мы и отправляемся в путь! Мы едем к моему брату, королю. Я хочу видеть его.

– Вот так-так, брат моего хозяина, оказывается, король! – почесал затылок саксонец. – Неплохо для начала. Выходит, вы, сеньор, самый настоящий принц? Если так, то вам надлежит иметь внушительную свиту, а не одного оруженосца. Разве принцы странствуют этак вот, в одиночку?

– Пока я всего лишь рыцарь, – ответил ему на это молодой швабиец, – а принцем стану, если того пожелает король. Но до него еще долгий путь. Да и неизвестно, как он нас примет.

– Значит, может прогнать?

– Еще как! Зачем ему лишний рот во дворце?

– Что ж, хорошо хоть не повесит, и то ладно. Но что же мы тогда будем делать, сеньор, куда поедем дальше?

– В Лан, а оттуда, может быть, в Париж.

– Матерь Божья, в этакую даль!

– Не дальше, чем Гослар.

– Но зачем? Что мы забыли у франков?

– Я должен найти свою мать, Арни, она родом из тех мест.

Возможно, мне подскажут, где ее искать.

– Святое дело, сеньор, чтоб мне провалиться на этом месте. Найти родную мать! Ради этого стоит отправиться даже на край света. Хотя где он, кто знает?

– Первыми там побывали викинги, мои далекие предки, жившие в Гренландии.

– Вы расскажете мне об этом по дороге, я с удовольствием послушаю. А сейчас хотелось бы знать, где живет король: то он в Ахене, то в Майнце, потом едет в Бамберг...

– Нынче он в Госларе, я ведь говорил. Там у него великолепный дворец.

– Где же этот Гослар, в какой стороне?

– На севере. Не корчи рожу, я покажу тебе, где это.

И Ноэль указал рукой направление. Затем пояснил:

– Доберемся до Констанца, переправимся через озеро. Дальше повернем на Страсбург. Оттуда вдоль Рейна – на Майнц, потом на Гослар. Но вначале после Страсбурга мы

побываем в Туле у епископа Бруно, кузена короля Конрада, который приходится шурином моему отцу. Ну как, устраивают тебя мои объяснения?

– Вполне, сеньор, а потому не будем медлить. Уж как мне хочется повидать города, людей, завести всякие знакомства, вам и не поверить. И почему это мы раньше не отправились в путешествие, сколько времени упущено!

– Тебя это не касается. Лучше помолись Пресвятой Деве, чтобы нам не провалиться в болото, пока доберемся до Базельской дороги.

– Я уже помолился, сеньор, едва мы выехали из ворот замка.

– Что ж, тогда в путь!

И всадники дали шпоры лошадям.

Глава 2. Путь на Страсбург

Замок графа Эда стоял в предгорье Альп, поэтому холмистая местность, по сути, не имела дорог. Да и тропинки попадались не часто: пастухи пасли свои стада в низинах, а путники почти что не заходили в эти места. Вследствие этого молодому графу и его оруженосцу приходилось двигаться наугад, ориентируясь по горной речке, впадающей в глубокое, с изрезанными берегами, озеро. Миновав его, они вскоре добрались до другого озера, вытянутого с запада на восток. Если, согласно инструкциям старого графа, продолжать путь под прямым углом к нему, то попадешь прямо в Констанц, большой швабский город на берегу Рейна в том месте, где он разливается по равнине с северо-запада на юго-восток.

В Констанц оба путешественника прибыли на другой день к вечеру и остановились на ночлег в одной из харчевен. Утром, позавтракав, они вышли во двор и спросили дорогу на Страсбург. Однако ее как таковой не существовало. Трактирщик, почесав за ухом, неопределенно указал на запад, поваренок вытянул руку с вертелом немного севернее, в сторону Парижа, а прислуга стала махать руками от севера до запада, указывая различные направления. Наконец, догадавшись, позвали постояльца, снимавшего комнату на втором этаже. Тот объяснил, что напрямую до Страсбурга не до-

браться: горы кругом. Путь один – берегом Рейна, который у Базеля поворачивал строго на север. Именно так движутся караваны купцов, торгующих в городах мануфактурой, пряностями и товарами ремесленного производства. Жаль, что нынче нет попутчиков, рыцарь и его оруженосец составили бы им компанию, выступив одновременно в роли охраны. Посетовав так, постоялец ушел, а Ноэль с Арни направились через весь город к северным воротам.

Едва они выехали из города, как увидели вдали облако пыли. По-видимому, это был обоз. Он только что миновал переправу через озерную горловину и направлялся на запад.

– Если это торговцы, неплохо бы нам их догнать, – кивнул Арни в сторону каравана. – Отсюда идет единственная дорога, и они двинулись по ней, а ведет она, надо полагать, к Страсбургу.

– Куда же еще? – ответил Ноэль. – По словам трактирщика, от северных ворот только одна дорога. Пришпорим коней и догоним купцов. Клянусь чревом Богоматери, у нас нет иного выхода.

Арни все же решил спросить у одного из нищих, что вечно толкуются у ворот больших городов, не ошибаются ли они. Он дал бродяге несколько пфеннигов, и тот подтвердил, что некоторое время тому назад из города выехал торговый обоз. Куда направляется? На Страсбург, куда же еще.

– Торопись, рыцарь, пока они не скрылись за лесом, – добавил нищий, – но учти, обоз хорошо охраняется.

– А мы не грабители, – бросил Арни, и оба всадника помчались по дороге.

Не обошлось без инцидента: на торговцев нередко нападали разбойники. Едва купцы заметили, что их догоняют, как обоз немедленно остановился и оцетинился копьями. Несколько конников по обе стороны телег, надев шлемы, обнажили мечи, остальные слегка натянули луки. Ждали только сигнала, поглядывая на старшину в толстой кожаной куртке с металлическими бляхами, с топором в одной руке и мечом в другой.

Увидев это, Ноэль, не доезжая трех-четырёх актов⁴, поднял правую руку, точно призывая к молчанию. Этот жест был известен всем странствующим торговцам того времени: поднятая кверху рука без оружия означала, что человек не имеет дурных намерений. Однако жест этот вызывал доверие лишь в том случае, если приближалось всего несколько человек, а не целый отряд. Именно так и обстояло дело. Старшина размашисто повел рукой вдоль горизонта; это означало – убрать оружие, нам не грозит опасность. Его люди поняли: луки опустились, клинки скрылись в ножнах.

Вскоре все выяснилось к обоюдному удовольствию, и обоз тронулся дальше, охраняемый еще двумя всадниками, один из которых – рыцарь.

Дорога эта и в самом деле вела в Страсбург, и торговцам она была знакома. Не первый год уже они колесят по доро-

---

⁴ 100–150 метров.

гам Германии, странствуя из города в город; торгуют тканями, женскими украшениями, мехами, воском, солью, уксусом, корицей и прочим. Все это размещалось в трех крытых возах, каждый из которых тащила лошадь. Ею управлял седок на козлах, а сами купцы ехали по обе стороны обоза, зорко посматривая по сторонам. Как правило, они нанимали охрану; видя это, разбойники в большинстве случаев не решались нападать на обоз.

Старшина купцов по имени Ганс с видимой охотой согласился иметь своими попутчиками рыцаря и его оруженосца и немедленно завел с Ноэлем беседу о том, где его замок и как живут у них крепостные. Беседа оборвалась на полуслове, когда слева показалась высокая башня за каменной стеной – замок местного барона. Затем, по обе стороны редколесья, появились деревни в окружении полей, на которых работали крестьяне.

– Общинники, – кивнул в их сторону Ганс. – У них тут всё своё: лес, пруды, сенокос. Нынче, видишь, заняты севом. Хорошо помнят пословицу: «Брось зерно в грязь, вот и будешь князь».

– Уж очень их много, – отозвался Ноэль, – да и деревня, надо сказать, не маленькая: около ста дворов. Знать, богат господин, коли имеет столько сервов⁵.

– Богат, это точно, да и крестьяне еще не все: остальные по ту сторону замка, их не видно. И все вокруг своего се-

---

⁵ Сервы – крепостные крестьяне, зависимые от феодала.

ньора, как цыплята у наседки. Ну да хочешь жить – отказывайся от свободы в обмен на защиту замковых стен. Гарнизон там сильный, замок большой, а владелец его – граф Гуго. Чуть покажется неприятель, крестьяне бегут в замок, чтобы не быть убитыми. Но за то и кормят своего господина от пуза. Чем плох такой союз?

– Все это мне знакомо, поскольку я сам живу в такой башне, – ответил сын графа Эда. – Только что это за община такая? У нас об этом даже не слышали.

– Откуда же ты?

– Из южной Швабии. Предгорье Альп. С зубчатой крыши донжона мы видим Италию и Бургундию, хотя, по сути, они скрыты горами. Оттуда несут свои воды сразу пять рек: две на запад, две на восток, а одна уходит к итальянцам.

– Надо думать, такое слово как «жажда» в ваших краях никогда не слетает с губ, потому что незнакомо, – вывел заключение торговец, – так же как вам неизвестно, что такое община. Между тем, это нечто вроде комитета; он решает, кому пахать, кому лес валить и добывать рыбу, а кому и лён пряхть. Община распоряжается всеми угодьями.

– И что же, сеньор не вмешивается?

– А чего ему совать нос, если все повинности выполняются, исправно платятся налоги, а его стол никогда не беден? Наоборот, он защищает своих людей, ибо они – основа его благосостояния, и чем больше у него крестьян, тем он богаче. Не удивлюсь, если вскоре он начнет тут возводить но-

вый замок, больше этого, а может быть, даже город. Однако, сам понимаешь, рыцарь, такое наблюдается не везде. Бывают жадные и жестокие сеньоры, крестьяне бегут от них, а потом селятся в другом месте, подальше отсюда, где попадают в такую же земельную зависимость, но уже к другому сеньору.

– В Альпах замков мало, почти совсем нет, – молвил Ноэль, – но здесь, я думаю, их предостаточно. Равнина – не горы, тут много пахотной земли.

– Много строят, но немало и разрушают, – ответил на это купец. – Замок – не город, построить можно быстро, да важно не ошибиться, верно выбрать место. Один богатый барон возвел сразу два замка по соседству с церковными владениями некоего епископа. Тому, как уже можно догадаться, весьма не понравилось такое соседство, и он попросил барона скрыть замки и поставить их где-нибудь в другом месте, подальше от него. Барон послал епископа ко всем чертям и пригрозил сжечь его дворец, а самого повесить, если тот еще раз сунет нос в его дела. Что оставалось епископу? Не идти же войной на незваного соседа, который к тому же сильнее его. Вот он и выразил недовольство королю: «Так и так, – говорит, – либо прикажите барону скрыть свои замки, либо я предам этот край отлучению и закрою все церкви, а сам уйду из этих мест и пожалуюсь папе». Король Конрад, а это было во времена его правления, немедленно выступил в поход и уничтожил оба замка, а барона призвал на суд пэров и лишил феода.

Молодой рыцарь усмехнулся на это и сказал:

– Король был мудрым и отважным человеком, однако вряд ли и ему удалось бы взять приступом замок Фелькир, что на границе с Каринтией. Настоящая крепость, какой не встретишь нигде! Что перед нею башни этого барона? Две риги, не больше того.

– Ого! Неплохой форт для защиты владений герцога. Похоже, ты видел этот оплот. Не расскажешь ли?

– Охотно. Замок окружает глубокий ров, заполненный водой. Такую твердыню взять нелегко, можно сказать, невозможно. Однако неприятель, что подступил однажды к стенам Фелькира, выдумал хитрую штуку: сначала отошел, а потом неожиданно вернулся, везя с собой огромные плоты. С них и начался штурм замка. Но кто бы мог подумать, что осажденные окажутся во много раз хитрее осаждающих. Защитники замка неожиданно опустили подъемный мост и небольшим числом вышли на площадку для сражения. Увидев это, неприятель бросился на них, тем более что горстка смельчаков начала понемногу отступать. Плоты были забыты. Теперь все столпились у входа в замок, который оказался свободным, покуда его защитники все еще находились вне стен. И вдруг они разом исчезли через потайные двери в стенах. Не осталось никого, некому даже было поднять мост и опустить решетку. Окрыленные такой удачей, осаждающие ринулись внутрь, и чуть ли не половина их тут же попадала в ров, который никто поначалу не заметил. Оказалось, что по

ту сторону этого рва возвышается точно такая же стена с такими же крепкими воротами. Ров этот был пустым. Те, что упали на дно его, очень скоро пришли в себя и устремились на штурм новой стены и новых ворот. Однако сделать это было еще сложнее, чем в первый раз, ведь глубина рва достигала десяти футов! Как оттуда достать до стены и до ворот? Но эти вопросы возникнут позднее, а сейчас неприятель, приставив лестницы, спускался в ров и тащил эти лестницы к противоположной стене. И когда почти все войско оказалось в этой ловушке, произошло то, что и положило конец осаде. Первая решетка вдруг опустилась, и тотчас ров стал заполняться водой из реки. Она поднималась все выше, люди начали тонуть, а те, кто пытался спастись, взобравшись на лестницы, были безжалостно перебиты лучниками или облиты сверху кипящей смолой. Вскоре наступил конец. Когда вода ушла, дно рва было усеяно трупами людей. А из защитников замка не погиб ни один человек.

– Любопытно, как же они сами выбирались из крепости на равнину? Ведь им надо было спускаться в ров, а потом подниматься. А всадники, повозки? Что скажешь на это?

– Ты еще не видел таких хитрых замков. Между обеими стенами опускались подъемные мосты, каждый на сваях высотой в те же десять футов; сначала падал вниз настил со стороны замка, потом другой, который немного перекрывал его. Как видишь, ничего сложного.

Купец понимающе кивнул. Потом спросил:

– Откуда же ты сам узнал? Был там?

– Рассказывал отец. А ему – король, который гостил однажды у своего вассала.

– Действительно, такая крепость неприступна, – согласился Ганс. И неожиданно прибавил: – Случись это тридцать лет назад, у людей было бы много мяса и умерло бы гораздо меньше.

– Какого мяса? О чем ты? – не понимал Ноэль. – Уж не хочешь ли сказать... Впрочем, я слышал о голодных годах. Но неужели поедали людей?.. Расскажи! Кому, как не тебе знать об этом.

Вздыхнув и помедлив, собираясь с мыслями, Ганс начал свой страшный рассказ. Арни, услышав начало, подъехал ближе и уже не сводил глаз с торговца, частенько по ходу повествования вворачивая подобающие случаю междометия.

– Засухи и неурожай не такое уж редкое явление на земле, об этом каждый знает. Пожары и эпидемии тоже. Но хранит ли история прошлых королей память о стольких голодных годах? Ведь их было сорок или пятьдесят при последних Каролингах и трех первых Капетингах. Время Страстей Господних... Не кара ли это с небес за грехи человеческие? Хотя, в чем грех? Но разве спросишь об этом у Господа? А он тем временем изливал свой гнев на людей: то выжжет все кругом палящим солнцем, то зальет землю дождями. Три года длилась самая страшная кара и кончилась в год Вознесения Христа к Отцу Небесному. Поля были залиты водой, как

в дни всемирного потопа, ветер свирепствовал в городах и деревнях, вырывая с корнем деревья, унося прочь крыши, ломая дома. Изредка выглядывало солнце, давая жизнь будущему урожаю, но тут налетали всадники. Они не могли ограбить замок и в злобе вытаптывали посевы, сжигали дома, убивали крестьян и уводили их скот. И вот проходит лето, а урожая нет и в помине. Ничего не выросло, и нечего стало есть. А впереди зима. И это уже не первый год. Стали собирать траву, листья, корни – всё, что годилось в пищу, из чего можно было хоть что-то сварить. Но это на зиму, а сейчас поедали последнюю скотину, добрались до собак, кошек, птиц, поели всех крыс и мышей. За простого гуся, да еще и поджаренного, можно было получить столько золота и драгоценностей, сколько стоил целый город.

– Это ты о народе, – перебил Ноэль. – А как же знатные люди?

– Голодали не только крестьяне; пухли от голода богачи и господа, живущие в замках. И умирали так же, как и другие. Трупов было столько, что их не закапывали поодиночке, а сваливали в огромную яму по сто, двести и более человек. А ночью приходили, поднимали землю, доставали наиболее свежих мертвецов и тащили их домой, чтобы съесть. Такое наблюдалось повсеместно. Церковь строго карала за это. Пойманного на месте преступления сжигали на костре. Костры эти полыхали повсюду, но это не помогало. Люди продолжали поедать друг друга, причем не ограничивались

мертвецами, а убивали живых и тут же съедали. Мне довелось побывать в Верхней Бургундии. Там рассказывали вот что: матери, у которых было несколько детей, убивали одного, чтобы выжили другие. Выбирали самого слабого, которому все одно скоро умирать. А один трактирщик специально заманивал в свою харчевню постояльцев, угощая их мясом, а потом убивал и съедал. Этим же мясом завлекал других, и те кончали так же. Когда узнали, харчевню сожгли, а убийцу повесили. Еще один странник убил своего спутника и съел половину, а другую половину отнес на базар. Его поймали и сожгли, а мясо закопали в землю. Не успели отойти на порядочное расстояние, как увидели, что земля уже разворочена и мяса нет.

Не бедствовали лишь дикие звери. Всех не ухоронишь, и трупы оставляли непогребенными: не было сил копать землю. Только уходили с этого места, как прибежали волки и рвали мертвецов на части. Безнаказанно. Кто осудит?

А люди уже еле ноги таскали, начали есть червей, жуков, сырую землю. Церковь не осталась в стороне, да будет навеки свято это слово! – И купец истово перекрестился. – Пошли в ход все церковные сокровища, накопления и вклады, которые давно уже предназначались именно для этих целей. Кое-что удавалось купить: привозили мы, купцы, из соседних стран. Нам же доводилось и видеть, как люди тотчас умирали, оттого что сразу помногу съедали. Пухли на глазах и падали, высунув языки. А у других так и сил не было

поднести что-то ко рту, руки висели плетьюми. Сам кормил многих, как грудных детей. Монахи и епископ стояли рядом, смотрели, молились и благословляли, шурша четками и махая распятиями. Такие были времена, – вздохнув, закончил Ганс. – И Германии коснулось, да не столь. А послано это было на землю Господом за грехи человеческие, за то, что много народилось человека, меньше надо.

– Ожидался еще конец света в тысячном году, – напомнил Арни, – да Бог, похоже, смилостивился. Говорят, монахи отмолили людские грехи.

– Истинно так, – ответил купец. – По всей земле франкской, германской и итальянской денно и нощно молились монахи Господу о ниспослании благодати небесной, о даровании прощения людям. И вымолили-таки! Урожайным был тысячный год, обильным и теплым, и радостно стало людям. В благодарность пали они перед святыми отцами на колени, а в церкви и монастыри понесли богатые дары.

Только недолго духовенство сохраняло свое благочестие, погрязло ныне в разврате, мошенничестве, грабежах. Очищения духовного мира требуют клюнийцы⁶, и не напрасно. Порядок должен быть в Церкви, за то и ратует, говорят, некий Дамиани⁷, пытаюсь достучаться до умов и созвать Все-

---

⁶ Клюнийцы – монахи из монастыря в Клуни, призывающие к дисциплине в церковных рядах, их очищению. Боролись против симонии и подчинения Церкви светской власти.

⁷ Петр Дамиани (1007–1072) – учитель Церкви, богослов, монах-бенедиктинец. Горячий сторонник реформ в Церкви, особенно в монашестве, направленных на

ленский собор. Да только слышал я, все зло идет оттуда, – купец показал на юг, в сторону Италии, – от престола святого Петра. Там рассадник пьянства, разврата, откровенного безбожия. Может, потому и насылает Господь на людей кару, как думаешь, рыцарь?

– При чем же здесь люди? – недоуменно спросил молодой швабиец. – Если виноваты божьи слуги и даже сам преемник святого Петра, так пусть Бог их и наказывает. Но что-то он не торопится. Кажется, его вполне устраивает такое положение дел. А потому, вижу, не ждать надо, а действовать самим, не полагаясь на божью волю. Лишь один человек способен навести порядок в церковном мире, он же волен сбросить с трона папу римского, коли тот погряз в грехе. Понимаешь, купец, о ком говорю?

– Человек этот – император, – кивнул в ответ Ганс. – Но Генрих только король, вправе ли он?..

– Без сомнения! – решительно заявил Ноэль. – Ведь он наследник Конрада Второго! Кому же еще быть императором, разве есть другой кандидат?

– Ему надо совершить поход в Латеран, вот что, – убежденно проговорил Ганс. – Пусть перевалит через Альпы и наведет порядок у трона наместника Христа.

– Так и передам твою просьбу, едва увижу его, – сказал

строгое соблюдение бенедиктинского устава в монастырях и независимости их от светской власти. Поддерживая клюнийское движение, тем не менее проповедовал союз между светской властью и духовной. Стал аббатом, потом епископом и – при Стефане IX – кардиналом.

Ноэль.

– Так ты, значит, к нему в гости?

– Сначала в Туль. Я везу послание епископу Бруно.

– Славный человек. Многих он тогда спас от голода. Его любят и молятся на него. Скорее всего, после Страсбурга мы повернули бы к нему, но уж больно там беспокойно. Рядом Франция, у них постоянные междоусобицы. И когда только успокоятся, всё нороят перегрызть друг другу глотки. Жители страдают, а торговли там нет: тотчас какой-нибудь рыцарь со сворой своих псов нападает на караван и грабит его. Поля там совсем не обрабатываются: некому. Все крестьяне разбежались; их без конца разоряют и убивают шайки баронов-разбойников. Конечно, и дорог нет – откуда они там? Кругом болота, леса, заросли. А на вершине каждой горы или холма – разбойничий замок. Замки эти каменные, хорошо укреплены. Да и как иначе, если у них беспрестанные войны и вооруженные столкновения между собой. Каждый хочет стать богатым, а для этого надо напасть на соседа и захватить его земли. Там даже родственники воюют друг с другом: брат с братом, сын с отцом. Ничто не принимается во внимание в борьбе за богатство, за власть. Воюют даже женщины. Они там дикие, такие же свирепые, как и мужчины. Я слышал рассказ очевидца, наблюдавшего битву сына какого-то графа и его далекой родственницы. Она явилась с войском, чтобы забрать его замок, а самого прогнать с этой земли. Долго они бились. Но вот рыцарь упал с лошади и

запросил пощады. Она подошла к нему и хладнокровно всадила меч ему в грудь, а потом отрубила голову и насадила ее на копье с флажком. Дальше она сделала то, что и язык немеет сказать. Сняла с мертвого доспехи и кинула своему оруженосцу, а потом кинжалом вырезала... словом, то, что у мужчины между ног. И бросила собакам. И долго хохотала над своей выходкой.

– Боже, неужто франки столь свирепы, а их женщины такие кровожадные?

– Попробуй пересечь границу и убедишься сам.

– Что же король? Как он терпит? Есть ли там вообще какая-то высшая власть и у кого она?

– У того, кто сильнее.

– А король?..

– Слабая фигура. Многие сильнее и богаче его. Бывает, он и сам разбойничает на больших дорогах: надо же что-то есть, а его земли приносят совсем малый доход. Крестьяне бегут к тому сеньору, кто их защищает, а у короля мало войск. Рядом графства Анжу, Блуа, Шампань. Каждое в два раза превышает королевский домен. Король из кожи вон лезет, стараясь свести дружбу со своими номинальными вассалами, бóльшими королями, чем он сам. Весьма помогает в таких случаях родство, но у французского короля нет детей. Жена его отца Роберта – к слову сказать, та еще ведьма – была плодовита, и король выдал замуж своих дочерей за крупных вассалов короны, а сыну дал Бургундию. На том и держится

королевская власть, да на владениях вокруг Парижа и Орлеана.

Так за разговорами и короткой охотой за зайцами спустились на землю сумерки, и вскоре всё кругом окутала темь. Заночевать решили у ручья, несущего свои ключевые воды на север, к Рейну. Развели костер, зажарили добычу и, поужинав, улеглись спать в телегах, выставив охрану. Среди ночи, поглядев на звезды, определяли, когда менять часовых. Так было заведено и строго соблюдалось у торговцев, если ночь заставала их в пути. В населенных пунктах за плату они нанимали дополнительную охрану. Расплачивались поутру, как правило, продуктами или каким-либо оружием, кинжалом, например. Однажды такой наёмный сторож попросил за свою работу убрус⁸, в чем ему, конечно же, было отказано ввиду дороговизны такой вещи. Другой совсем ничего не взял, уверяя, что без памяти влюбился в дочь одного из караванщиков и не желает брать плату за то, что охранял ее покой. А были случаи, когда за самими сторожами приходилось наблюдать, ибо они ночью предпринимали попытки к ограблению обоза. Но чаще всего обозники располагались на ночлег под защитой городских стен, где всю ночь горели светильники и стояла на часах стража.

Утром, чуть свет, обоз зашевелился, загудел на все голоса. Развели огонь, принесли воды, сварили похлебку и, плотно

---

⁸ Убрус – украшение короны из широких цветных лент с вкрапленными в них драгоценными камнями.

позавтракав, вновь тронулись в путь.

День выдался ясный. Луга пестрели молодым разнотравьем, вдоль дороги каймой желтели уходящие вдаль колонии одуванчиков, из кустарника без конца доносился птичий гомон, и свежий воздух с низовьев Дуная дышал влагой.

Сколько уже проехали, кто знает, за разговорами время летит быстро. Не успели опомниться, как солнце перевалило за полдень и поползли тени. А города все не видно. Хотели дать лошадям кнута, чтобы засветло достичь реки, на берегу которой стоял Страсбург, но тут старшина поднял руку, делая знак к остановке. Впереди, за полями темнела полоса. Ганс вытянул руку, указывая на нее:

– Рейн!

Все шумно вздохнули и тут же решили немного перекусить.

– Где же город? – спросил Ноэль.

– По другую сторону реки, – ответили купцы. – Еще моста не будет видно, а уже покажутся сторожевые башни замков и городских ворот.

Так все и оказалось в действительности. Когда поравнялись с каким-то замком и проехали через деревню, увидели впереди большой деревянный мост через Рейн, и прямо перед ним – раскрытые массивные городские ворота. И у моста, и у ворот стояла стража. Там и тут требовалось заплатить пошлину за проезд. Епископ Страсбурга Вильгельм Баварский – глава города – придавал этому весьма большое зна-

чение.

Страсбург был крупным торговым центром, притягивал к себе всех иноземных купцов. Здесь сходились торговые пути – из Средиземноморья к северу Европы, и с запада на восток до славянских государств. В этом городе всегда было шумно; до первых криков фонарщиков и выхода вечерней стражи жизнь кипела ключом. Сравниться со страсбургскими ярмарками могли лишь ярмарки в Шампани, которой со временем и досталась в этом плане пальма первенства.

Миновав площадь у ворот, обоз проехал по широкой центральной улице и остановился на перекрестке.

– Вот мы и приехали, рыцарь, – сказал Ганс, – здесь и расстанемся. Жаль, недолго продлилось наше знакомство; давненько не доводилось беседовать по душам с хорошим человеком.

– Спасибо и тебе, – ответил ему Ноэль. – Многое рассказал, чего я не знал. Где еще услышишь об этом?

– С кем же поболтать, как не с добрым попутчиком? Сами-то мы и без того знаем все, что творится на свете. Теперь чуть больше знаешь и ты. Даст бог, это поможет тебе в твоих скитаниях.

– Куда же вы теперь?

Купец показал рукой в сторону высокого шпиля романской церкви, за которой тянулись неровные ряды одно и двухэтажных приземистых домов горожан.

– К дворцу епископа. Там неподалеку большой рынок. Се-

годня канун дня святого Марка; завтра будет много народу.

– А потом? Куда отправитесь дальше?

– В Мец, Трир, Майнц, Франкфурт. И снова за товаром к чехам, венграм, веронцам.

– Доброй вам торговли! На прощанье скажи, есть отсюда дорога на Туль и как на нее попасть?

– Тебе надо к западным воротам, вон туда, – и торговец указал направление. – Поедешь на Сарбур, а оттуда, чуть левее – Туль. День пути.

– Есть, значит, и другие ворота?

– Их столько, сколько дорог, а они выходят отсюда на все стороны света, – ответил Ганс. – Сам Хлодвиг назвал это бывшее римское поселение Страсбургом, то есть городом дорог. Когда-нибудь он станет жемчужиной среди всех городов Европы.

И добавил, когда обоз, скрипя колесами, тронулся, сворачивая на одну из улиц:

– Но нас с тобой уже не будет на этом свете, рыцарь!

– Сеньор, неужели мы тотчас отправимся в дорогу? – неожиданно жалобным голосом проговорил оруженосец, почесывая живот и вздыхая. – Нет сил уже таскать ваши железки. Ей-богу, если нам некуда спешить, то отчего бы не выехать завтра поутру, да еще и по холодку? Смотрите, как печет, мыслимое ли дело тащиться неведомо куда в такую жару? А город? Разве вам не хочется его посмотреть, походить по улицам? Когда еще представится такая возмож-

ность? Ведь, подумать – что вы видели, кроме замков? А тут столько людей, домов... немало и хорошеньких женщин. Сомневаюсь, чтобы какая-нибудь из них отказалась познакомиться со странствующим рыцарем, ну и, конечно же, с его оруженосцем. А если она окажется не слишком знатного рода, то я, дабы избавить вас от ее общества, берусь болтать с ней о разных пустяках, например, о том, как...

– Да замолчишь ли ты, наконец! – не выдержал молодой швабиец. – Своей болтовней ты выведешь из терпения кого угодно, даже ту незнакомку, которой гредишь. Однако, – поразмыслив, продолжил он, – предложение твое кажется мне достойным внимания.

– Да ведь пора уже и подкрепиться в нормальных условиях. Сколько можно кормить своей кровью оводов и болотных комаров?

– Остановимся в одной из гостиниц, ты прав. В самом деле, торопиться некуда. Да и вечер скоро. Лягу пораньше, этой ночью мне плохо спалось.

– Ну, а мне спалось хорошо, поэтому я, с вашего позволения, отправлюсь побродить по городу.

– Как, бездельник, ты хочешь оставить меня одного? Хорош оруженосец, нечего сказать.

– Сеньор, ложитесь отдыхать и задвиньте засов, вас никто не побеспокоит. А я устроюсь среди слуг.

Так и сделали, и когда утром Ноэль, услышав стук, открыл дверь, то первым делом увидел своего оруженосца – бодрого,

веселого и готового к дальнейшему путешествию. Правда, после плотного завтрака.

Глава 3. Поединок атлантов

Они оставили город рано утром и довольно долго ехали по равнине меж двух горных массивов. Тот, что тянулся от Бургундии до Франконии, спасал от солнечных лучей, а когда его высоты стало не хватать, солнце закрыли облака. Другой массив – от Безансона до Меца – укрывал от западного ветра. Так что путешественникам не на что было жаловаться, разве что на полное безлюдье.

Но и этому вскоре пришел конец.

Уже половину пути проехали до Сарбура, как вдруг Арни, повернувшись в седле, указал копьём назад, на Страсбург.

– Так и есть! То-то я чую, кто-то скачет за нами. Поглядите, сеньор! А дорога узка, не разъехаться вам с ним.

Ноэль обернулся. В самом деле, от города за ними следом ровной рысью шел всадник. На глаз до него около двух стадий⁹. Видно было, что на голове у него нет шлема, однако это вовсе не указывало на мирные намерения верхового: ясно различалось копьё, вертикально притороченное к седлу.

Ноэль натянул поводья.

– Похоже, он нас догоняет.

– Перейдем на рысь, – посоветовал Арни. – Ведь он не спешит, так что не догонит нас. Но можно и пропустить его...

– Пропустить?! – возмутился сын графа Эда. – Чтобы по-

---

⁹ Стадия – около 250 метров.

томок Можера пошел на уступку, упустив, таким образом, возможность сразиться! Смотри, он прибавил ходу. Клянусь прахом моего деда, сейчас он крикнет, чтобы я уступил ему дорогу!

Всадник тем временем приближался. Когда расстояние сократилось до половины стадии, он надел шлем, выставил вперед копьё и, перейдя с рыси на галоп, закричал:

– Дорогу, рыцарь! Или я сброшу тебя с седла.

Кровь бросилась Ноэлю в голову.

– Арни! – Он протянул руку. – Мой шлем, копьё, топор!

Вооружившись и стоя на дороге лицом к противнику, молодой граф крикнул в ответ:

– Читай молитву, рыцарь! На этой дороге останется лишь один из нас.

И дал шпоры коню.

Они сшиблись на всем скаку, но оба остались невредимы: копьё, отскочив от щитов, взмыли кверху. Поменявшись местами и развернувшись, всадники вновь устремились друг на друга. Ноэль целил прямо в середину щита, острие не должно скользнуть по нему. Он много раз упражнялся в таких точных ударах и знал, что хорошее копьё, да еще и при стремительной атаке, способно или расколоть щит, или пробить его насквозь. И он на всем скаку выбросил вперед руку с пикой, целясь в щит. Но тот выдержал, хоть удар пришелся прямо в цель. Мало того, еще и слабым оказалось копьё. Встретив на своем пути металл, оно треснуло и... разлетелось на

куски. А пика противника, отскочив от щита, больно ударила швабийца в плечо, погнув бляху и едва не распоров кольчугу.

Ноэль бросил поломанное древко и выхватил меч. Рыцарь, развернувшийся к тому времени, увидел это и воскликнул:

– Клянусь прахом моего славного предка, тебе не придется упрекнуть меня в том, что я воспользовался своим преимуществом! Мы будем биться на равных.

С этими словами он бросил копье и тоже вырвал из ножен меч.

Ноэль улыбнулся. Как он мечтал о такой встрече! Сколько грез посвятил такому поединку, в котором всегда побеждал! Настало время претворить мечту в жизнь. Он покажет себя достойным учеником своих наставников!

И, прикрываясь щитом, он устремился на рыцаря. Тот поднялся в стременах и, также защищая себя щитом, бросился вперед. Молодой граф успел только мельком подумать о том, сколь высок и широк в плечах его противник.

Рыцарь дрался смело, напористо, удары были сильны. От каждого, казалось, развалится пополам не только человек, но и лошадь, если бы не щит, которым швабиец встречал каждый такой удар. Но и он не отставал. Трещал щит противника, встречая острое лезвие тяжелого клинка, всадник рычал, со свистом рассекая воздух мечом над головой Ноэля, и, виделось со стороны, не два рыцаря – два кентавра сошлись в

смертельном поединке, столь крепко каждый из бойцов сидел в седле, точно сросшись с лошадыю.

– Святая Мать Мария! – пробормотал Арни, стоя в стороне и наблюдая этот бой. – Вот так молодчик нам попался, не человек – гора! Попробуй, сладь с таким. Ну да и сеньора не пальцем делали, сейчас он покажет этому Давиду, кто из них Голиаф.

А бой все не прекращался. Кто победит – не сказал бы ни один смертный. Звенел металл, сыпались искры, щепы отлетали от щитов, но ни один из рыцарей не сдавался. Каждый старался поймать другого на ошибке, но не ошибался ни один из них. Надеялись втайне, что расколется чужой щит, но те, хоть и трещали, все же держались. Оставалась еще надежда на то, что враг выдохнется, иссякнет его сила и не сможет он не то что рубить мечом, но даже поднять его для удара.

Именно об этом и подумал Ноэль, когда увидел, как пот градом катится с лица противника, а его рука поднимает меч так, словно тот стал в три раза тяжелее. И рыцарь уже не смог отбить следующей атаки, которая оказалась решающей. Просто не успел ни уклониться, ни уйти под защиту щита. Шлем его жалобно зазвенел и, свалившись с головы от удара меча, отлетел далеко в сторону.

Рыцарь вздрогнул. Сколько уже раз падало лезвие на этот шлем, но лишь скользило по нему, рубя кольчугу на плечах. Как он благодарен ему, защищавшему его голову!.. И вот те-

перь его нет. Оставался щит. Сможет ли он встретить еще один, сильный, сокрушающий удар? Не последний ли?..

Всадник поднял щит, нырнув под него, и тут похолодел от ужаса: щит раскололся пополам и двумя кусками дерева рухнул на землю. Погиб последний защитник, устав бороться за жизнь своего хозяина. Остался один меч. И только рыцарь хотел было поднять руку, чтобы отразить удар, как понял, что уже поздно. Острие клинка, пробив кольца на кольчуге, коснулось груди, порезало ее... и остановилось. Чуть нажать – и вот она, смерть!

Но Ноэль медлил. Что на него нашло в это мгновение, кто смог бы сказать? Он и сам затруднялся бы. Только вдруг убрал меч, бросил его в ножны и долгим взглядом посмотрел в глаза всаднику.

– Что мне в твоей смерти, путник? – произнес он. – Или ты мой враг? Мне не надобна твоя жизнь. Отдай ее королю, ему она нужнее. И знай впредь: норманны никому не уступали дорогу. А теперь езжай себе дальше.

– Ты отпускаешь меня? – удивился рыцарь. – Как странно. Ты мог бы взять меня в плен и получить выкуп.

– Я сделал бы это, зная, что передо мной негодяй, которого следует наказать. Но, хотя я вижу тебя впервые, думаю, такое суждение будет ошибочным. Напротив, ты кажешься мне храбрым и честным воином, а потому я дарю тебе жизнь, ничего не требуя взамен. Видишь, я даже убрал свой меч, хотя ты все еще держишь свое оружие в руках. Запомни, мы

не франки и давно перестали быть варварами.

– Это верно, попади я во Францию, меня везли бы уже связанного, в телеге, – ответил рыцарь, бросая меч в ножны.

– Вот и благодари Бога, что мы с тобой в Эльзасе, на земле королей франконкской династии. А теперь можешь продолжать свой путь, я тебя не держу.

– Путь? – невесело усмехнулся рыцарь, поглядев на свой расколотый щит и шлем в кустах. – Что ж, продолжу, конечно, но не сейчас. Отправляйся дальше со своим оруженосцем, а я останусь здесь.

– Что же ты будешь делать один на дороге?

– Отдохну, я устал. А тебе, я вижу, не впервой драться. Сильная рука. Да и выглядишь ты – вылитый Геркулес.

– Ты тоже силен и столь же огромен, разве не так? А биться я привык, ты прав, да и как иначе стал бы я рыцарем?

– Не думал, что найдется боец сильнее меня. Выходит, ошибся.

– В нашем роду все такие.

– Откуда же ты?

– Из Швабии.

Рыцарь тем временем спешился, снял с луки седла походную суму, достал оттуда флягу и, усевшись на траву, сделал несколько глотков. Потом, разложив перед собой нехитрые припасы, приступил к трапезе.

– Сеньор, неужели мы опять поедем? – заскулил Арни, недвусмысленно поглядывая на незнакомца с куриной нож-

кой и куском хлеба в руках. – Когда приедем в Сарбур – еще неизвестно, да и есть ли там харчевня – тоже вопрос. А между тем кишки у меня в животе уже затянули отходную. Не составить ли нам компанию этому путнику, ведь у нас в суммах тоже есть чем утолить голод. Да и жажда... Разве вам не хочется пить? Это после стольких-то трудов?

И он красноречиво показал глазами на меч.

Ноэль поразмыслил, поглядел вперед на дорогу. Города не видно, похоже, до него еще далеко. Почему бы, в самом деле, не пообедать? Когда это они доберутся до харчевни, да и мало ли что еще может ожидать их в пути?

– Так и быть, – кивнул он, – присядем рядом с этим человеком и поддержим наши силы.

Он спешился и вдруг услышал, как Арни, подойдя ближе, потихоньку говорит ему, отвязывая тем временем походную суму:

– Сеньор, хочу сообщить вам нечто важное. – Он украдкой поглядел на путника, сидевшего к ним боком, и хихикнул в кулак: – Этот рыцарь, с которым вы только что дрались... Вы уж простите меня за прямоту, ей-богу, я не хочу обидеть ни вас, ни его, только чтоб мне провалиться на этом месте, если этот рыцарь...

– Ну! – наклонился к нему Ноэль. – Что ты хотел сказать? Да говори же!

Придвинувшись к нему еще ближе и вновь понижая голос, Арни прошептал:

– ... Если это не женщина!

Молодой швабиец отпрянул в сторону, округлив глаза:

– В своем ли ты уме? Уж не перегрелся ли, вон солнце как запалило. А может, тебе пришла на ум фея твоих ночных походов? Хозяин гостиницы сказал, ты пришел поздно ночью.

– Я не перегрелся, и никакая фея мне на ум не пришла. Но пусть лопнут мои глаза, пусть ни крошки не окажется сегодня у меня во рту и ни глотка вина, если это не девица.

– Господи, вот уж правду говорят, если Бог хочет наказать человека, то прежде отнимает у него разум. С чего ты это взял, скажи на милость? Как тебе такое в голову могло прийти? Или ты не видел, как он дрался?

– Вот именно, видел, и как раз то, чего не видели вы. Походка у него плавная, ногу за ногу заплетает, виляет бедрами, взгляды быстрые, оценивающие, бросает их украдкой, а сидит – так и норовит ноги сдвинуть. А на лице – ни малейших следов усов и бороды.

Ноэль покосился на рыцаря, сидевшего за трапезой в стороне.

– Других признаков нет? Полагаешь, этого достаточно?

– Клянусь вам!

– Но как проверить, не ошибаешься ли ты?

Арни снова быстро зашептал ему что-то на ухо.

Выслушав его, сын графа Эда снова украдкой бросил взгляд в сторону рыцаря.

– Любопытно. И ты думаешь, это работает?

– Уверен! Так говорила мне моя мать, да и сам я не один раз видел. Скорее, сеньор, чего доброго, она ускачет. Клянусь своим животом, сцена выйдет презабавная.

Ноэль кивнул, загадочно улыбнувшись:

– Что ж, давай поглядим. – Потом повернулся к своему недавнему противнику: – Неплохо бы и нам подкрепиться. Не возражаешь, рыцарь, если мы устроимся рядом с тобой?

– Вот еще, какие возражения! – хмыкнул тот, пережевывая пищу, и повел рукой перед собой, приглашая незнакомцев занять место на траве.

Швабиец и саксонец уселись, но не рядом с ним, а поодаль, в пяти шагах, и принялись за еду.

Арни не спускал с рыцаря глаз, ожидая, когда тот закончит трапезу и станет запивать водой или вином – что было у него во фляге. Дождавшись благоприятного момента, он толкнул молодого графа локтем и прошептал:

– Пора.

Сам тем временем достал из сумы несколько яблок.

Ноэль глубоко вздохнул. Как спросить? Не оказаться бы в дураках. Но тот способ, что предложил верный оруженосец, выводил его из этого затруднения.

– Похоже, ты уже кончил обедать, – обратился он к рыцарю. – Но вот совсем худо, что у тебя нет фруктов. В нашем замке живет старая экономка, после еды она всегда съедает одно или два яблока, смотря по размеру. Она утвер-

ждает, что это молодит кожу, способствует лучшему усвоению пищи и продлевает годы жизни. В самом деле, ей уже за восемьдесят, а она, похоже, не торопится беседовать с Богом. Мы прихватили с собой несколько яблок прошлогоднего урожая, которые она дала нам в дорогу. Возьми одно, рыцарь, я желаю поделиться с тобой. Съешь – сразу почувствуешь сытость и легкость в желудке. Лови же!

И он бросил рыцарю красное яблоко. Тот поймал его, кивком поблагодарил и поднес ко рту... Но рука с яблоком застыла у рта, а губы так и остались приоткрытыми. Рыцарь недоуменно глядел на своих сотрапезников и явно не понимал, почему они оба глядят на него во все глаза. У одного при этом – оруженосца – взгляд косой и лукавый, а у другого – прямой и удивленный. Рыцарь посчитал это неучтивым и тут же не преминул высказаться по этому поводу, обращаясь к своему недавнему противнику:

– Отчего ты смотришь так на меня, странник? Или в тех местах, откуда ты родом, не считается невежливым заглядывать человеку в рот во время еды?

Ноэль, не обращая внимания на эти слова и все так же с изумлением глядя на рыцаря, попросил его, переглянувшись с оруженосцем:

– Покажи мне свои руки, путник.

– Руки? – нахмурился тот. – Зачем это?

– Я прошу тебя. Этим ты разрешишь наш маленький спор. Недоумевая, рыцарь протянул вперед обе руки ладонями

вниз.

– Ну вот, я же говорил, – усмехнувшись, прошептал Арни. Ноэль отшатнулся и, не сводя глаз с собеседника, воскликнул:

– Ангелы небесные... Женщина?!

Рыцарь уронил яблоко, которое держал между ног, вскочил с места и схватился за рукоять меча.

– Я?! Ты это мне?! Как смел ты бросить такие слова мне в лицо? Если ты победил меня в поединке, разве это дает тебе право насмехаться надо мной, оскорбляя меня?

Ноэль, глядя на него, только смеялся и качал головой, обмениваясь взглядами со своим оруженосцем. Кажется, эта сцена забавляла обоих. Но не их недавнего сотрапезника. Он побагровел, сжал зубы; из глаз – того и гляди посыплются разящие стрелы ненависти.

– Обнажай свое оружие, рыцарь! – выкрикнул он, вынимая меч. – Клянусь, за эту шутку ты ответишь мне. Тебе не удастся уйти безнаказанным, и не воображай, что ты сильнее меня... – Неожиданно он нахмурился: – Отчего ты не принимаешь мой вызов? А-а, ты не привык драться пешим, только на коне? Или ты... Да в чем дело, черт возьми? Отчего ты хохочешь и не встаешь? Объясни же мне, что все это значит?

Ноэль, по-прежнему не вставая с места и глядя на рыцаря с улыбкой, ответил ему:

– Мой отец говорит мне: «Мой сын, ты можешь драться

один против двух, трех, пяти, даже десяти человек, но никогда не дерись с женщиной. Это противно рыцарской чести. Мы не франки; только в той варварской стране мужчина может обнажить свое оружие против дамы».

Путник долго молчал, тяжело дыша и хмуро глядя на обоих сотрапезников. Потом бросил меч в ножны, опустил взгляд и уселся на прежнее место, ни слова не говоря. Впрочем, пытался было что-то произнести, разжимая губы. Потом увидел яблоко в траве и, как ни в чем не бывало, подняв, надкусил его. Наконец, пробурчав: «Будь все проклято!», покосился на молодого графа и спросил, не скрывая любопытства:

– Скажи, как догадался?

Ноэль объяснил, ориентируясь на признаки, указывающие, что перед ним женщина. Потом прибавил:

– Но я все еще сомневался, если бы не яблоко и не твои руки. Мужчина всегда сдвигает ноги, если ему что-то бросают; женщина при этом разводит их в стороны. А когда мужчину просят показать руки, он протягивает их ладонями кверху. Женщина поступает наоборот.

Рыцарь усмехнулся, посмотрел на свои ноги, потом на руки и покачал головой.

– Что же, сам пришел к такому выводу или подсказал кто? – снова поинтересовался он. – Сдается мне, это твой оруженосец, его рожа сразу показалась мне хитрой, как у лисенка.

– Правда твоя, – ответил Ноэль. – Без него мне не разгадать бы этой загадки.

Сощуриив глаза, рыцарь поглядел на оруженосца:

– Смышлен, однако, плут. Видимо, не раз тебе, бездельник, приходилось бегать за девчонками и наблюдать их повадки?

– На то и овца, чтобы ее стричь, – наклонил голову Арни. – Только я, госпожа, никогда не посмел бы коснуться твоей тайны, если бы не чуял, что не простая ты женщина. Будь я проклят, если встреча с тобой не сулит моему господину удачу и счастье.

– Ого! Даже счастье? Уж не в жены ли прочишь меня своему хозяину? Рановато же. Скоро расцвел цветок, да столь скоро и опать может. Однако угадал ты, рыцарь, – дама поглядела на Ноэля, – женщина перед тобой. Не казни себя, что, не распознав, кинулся в битву. Даже родная мать попадает впросак: увидев меня в монастыре, спрашивает, что здесь делает мужчина.

– Кто же у тебя мать?

– Аббатиса. Я – ее единственная дочь и зовут меня Агнес. Ноэль замер. Аббатиса!.. Потом подумал, что это еще ни о чем не говорит.

– Так ты монахиня?

– Когда у короля родится сын, это еще не значит, что он будет монархом. Я живу в замке герцога Баварского, а моя мать – настоятельница регенсбургского монастыря.

– Выходит, пастырскому посоху ты предпочла копьё, а монашеской рясе – кольчугу? Почему?

– Во мне живет дух рыцаря, а не монаха. Я не желаю давать никаких обетов и менять мирскую одежду на поповскую. Я не фанатична и не лицемерна – именно такие личности, с одной стороны, живут в монастырях. С другой стороны, монастырь – это тюрьма, куда водворяют тех, кого общество выбросило за борт. Со мной такие номера не пройдут, я сама выброшу кого угодно, пусть даже то будет архиепископ или сам папа римский. Бог сказал: «Не служи никому, кроме Меня». И монахи свято блюдут эту заповедь. А я не желаю махать кадиллом, если могу рубить мечом! Я не хочу благоговейно целовать распятие, если моя рука крепко держит копьё!

– Что ж, неудивительно, – оглядел Ноэль с головы до ног несостоявшуюся монахиню. – Для такого роста и плеч двери монастырских келий слишком узки, а в самой келье ты просто задохнулась бы. К тому же ты, бесспорно, сильна. Куда деть силу в монастыре?

– Уйти я решила после того, как к нам однажды забрели два рыцаря. Будет время, расскажу об этом. А что сила во мне недюжинная, я поняла, когда одному канонику вздумалось обрушить на меня изречения Христа из Нагорной проповеди, а потом пугать муками ада за несоблюдение божьих заповедей. Я сказала ему, чтобы замолчал и убирался вон, не то я вышвырну его за дверь. Но он замахал распятием, желая

заставить меня, как дочь аббатисы, заниматься вопросами богословия, признавать всевозможные таинства и формулы, участвовать в нелепых обрядах. Недолго думая, я схватила его одной рукой за шиворот, другой за ногу и вышвырнула в окно. Бедняге не повезло: мало того, что он поранился об оконные рамы, его еще угораздило упасть прямо на ограду, а она в монастыре из металлических прутьев. Как копыя, воткнутые в землю тупым концом, остриями своими они смотрят в небо. Услышав крик, я выглянула в оконный проем. Всё было кончено в одно мгновение. Несчастный каноник корчился в муках сразу на трех прутьях.

Мать, узнав, пришла в ужас. Хотела меня спрятать, да выдали однокашницы, я ведь тогда училась в монастырской школе, прошла весь курс наук, все семь свободных искусств постигла. Епископ расвирепел, грозил предать меня смертной казни. Я смотрела на него, слушала и думала о том, что мне ничего не стоит задушить его двумя пальцами, как котенка. Маленький, тщедушный, крысиная морда с выпученными глазами. Ну, а рука у меня – сам видишь – одна ладонь с его голову. Но не хватало еще второго убийства! И без того на мою мать стали недобро поглядывать, а уж на меня-то... Словом, едва не сгноили в тюрьме. Спас герцог. Сунул епископу горсть безделушек, тот и замолчал. А герцог взял меня к себе. Спросил, чего бы я хотела? Услышав ответ, кивнул и сказал, смеясь: «Я знал, что ты хочешь стать воином. Всё остальное не для твоих рук». И он научил меня всему. Так

я стала рыцарем.

– Куда же ты направляешься сейчас? – поинтересовался Ноэль. – Я еду в Туль. Может, и тебя герцог послал туда с каким-нибудь поручением?

– Нет, – ответила Агнес, – моя мать приказала мне ехать в Мец. Умерла Аделаида Лотарингская; они с матерью крепко дружили. Так что я направляюсь на похороны. Впрочем, теперь мне придется поклониться лишь могиле, которую я украшу цветами. Эта женщина настоящая благодетельница нашей семьи. Она подарила нам дворец в Регенсбурге, сделала мать аббатисой, наконец, это благодаря ей герцог Баварский занялся устройством моей судьбы. Бедная графиня Аделаида... Не поверишь, рыцарь, как это печально для нас с матерью. Одно утешает: хоть пожила. Ей было уже что-то около семидесяти. Мать лет на десять моложе ее. Она бы и сама отправилась в дорогу, но неожиданно захворала. Лежит в своей келье, почти никуда не выходит. Монашенки роём вьются вокруг нее, пытаются как-то помочь, но она твердит, что пришел срок и ей пора на прием к Создателю.

– А врачи? Что же они?..

– Разводят руками. Впрочем, советуют что-то, но мать их не слушает. Говорит, их снадобья раньше времени доставят ее к вратам обители небесной, а ей еще надо дожидаться меня. Она хочет услышать о последних днях своей близкой подруги.

– И давно уже она никуда не выходит?

– С месяц или больше.

Ноэль задумался. Слова отца вспомнились ему. Он говорил, что Вия – великая знахарка, нет болезни, что ей неподвластна. Вот бы привезти ее в монастырь! Но, боже мой, где он найдет ее, кто поможет ему в этих поисках? Кто подскажет, где сейчас его родная мать, которую он, считай, никогда и не видел?

– Отчего печаль в твоих глазах? – спросила его Агнес. – Что-то случилось? Быть может, и у тебя горе, и в этом смысле мы с тобой родственные души? Скажи, мне хотелось бы помочь тебе.

– Нет, Агнес. И не горе это, а, пожалуй, судьба. Вот у тебя есть мать, а у меня нет. Я никогда ее не видел и даже не знаю, жива ли она еще. Мы с отцом одни на этом свете, живем в замке с высокой каменной башней.

– Стало быть, крепкий замок, и ты, рыцарь, не беден. Но кто же твой отец?

– Граф Эд фон Готенштайн.

– Столь крупный и такой же сильный, как ты?

– Как иначе получился бы я таким, каков есть? Однако, полагаю, аббатиса также высока ростом и вовсе не слаба, поскольку имеет такую дочь? Впрочем, вероятно, в этом заслуга твоего отца?

– Ничуть. Он таков же, как все, ничем не выделяется.

– Значит, ты пошла в мать?

– Безусловно. Она у меня рослая и сильная, в этом ты

прав. Однажды к ней в келью заглянул исповедник. Не знаю уж, какого рода исповедь он ей предлагал, только она легко, словно щенка, схватила его и вышвырнула за дверь. Незадачливый ухажер добрых две пертики¹⁰ пропахал по полу носом, рискуя насажать в него заноз. С тех пор он не отваживался предлагать аббатисе душеспасительные беседы. Что касается мужчин, мать вообще груба с ними. Какой-то клирик однажды встал перед ней, мешая видеть епископа, вещающего с кафедры благодарственную мессу. Она сказала ему, чтобы он отошел в сторону, он не послушал; она попросила еще раз, но клирик точно оглох. Тогда она сама отодвинула его рукой, да так, что вместе с ним упали на пол еще трое.

– Кто же были ее родители? – смеясь, спросил Ноэль.

– Ты спрашиваешь о моей бабке? О ней я потом расскажу, а вот что касается деда...

Агнес улыбнулась, устремив вдаль задумчивый взгляд. Глаза ее – печальные и словно молящие о чем-то – заблестели, точно горя жадной подвига или желая вырвать из мрака забвения образ ее героического деда. Видно было: она, даже никогда не видя его, тем не менее любила всей душой, почитала, быть может, молилась на него, как на икону. Он был для нее единственным образцом, примером для подражания, и она не только боготворила, но и, похоже, во всем старалась походить на него.

Ноэль невольно залюбовался ее заалевшим, улыбающим-

---

¹⁰ Пертика – 10 футов или три метра.

ся лицом, и отметил про себя, что она смотрит на запад, в сторону столицы франков. Ее карие глаза искрились радостью, в них читалось благоговение при виде святого, своего покровителя, кумира! Рот ее приоткрылся, влажные губы атели, меж них проглядывал ровный ряд зубов, точно шеренга белых фигур на шахматной доске. Ноздри ее широко раздувались, она словно вдыхала ими запах той земли, что лежала западнее Парижа. Она даже вздрогнула и подалась всем телом в ту сторону, куда глядела не отрываясь, будто хотела тотчас очутиться там и пасть к ногам того, кто был для нее единственным богом на этой земле!.. Но никто не ответил на ее призыв, идол остался лишь в ее воображении, а руки, потянувшиеся было в сторону взгляда, медленно опустились. Печальная улыбка, взамен прежней, тронула уголки губ на лице женщины-рыцаря.

Ноэль смотрел на это лицо и восхищался им. Оно казалось ему в это мгновение прекрасным, и он не понимал, как мог раньше не разглядеть на нем ровного, идеальной формы носа, подбородка с ямочкой, вишневых, зовущих в бездну наслаждений губ, и ее глаз. Пресвятая Богородица, да разве могут быть у мужчины такие глаза!..

– Знаешь, кто он? – перевела на него взгляд Агнес.

– Твой дед? Догадываюсь, он жил там, где ты только что была в мыслях. Ты его очень любила?

– Любила... – промолвила Агнес и замолчала.

Ноэль увидел, как увлажнились, заблестели ее глаза и

дрогнул слегка подбородок вместе с нижней губой. Но слезы не выкатились, так и остались на месте, растекшись по нижним векам. Эта волевая женщина никогда не показывала свою слабость, храня ее в душе, глубоко от чужих глаз. Она умела владеть собой.

– Любила? – повторила она, поглядев на молодого графа, и усмехнулась, мотнув головой. – Не то слово, рыцарь. Будь он жив, я целовала бы ему ноги, а на его смертном одре умерла бы вместе с ним. Ни к чему жить, если такого человека больше нет на свете.

– Кто же он, как его звали, какого он роду? – спросил Ноэль, уже начиная ощущать некие неуловимые признаки внутреннего беспокойства, необъяснимого волнения. – Вероятно, он был очень силен?

– Силен? – Агнес рассмеялась, точно услышала шутку, развеселившую ее. – Да это был дьявол, а не человек! Одним ударом кулака он разбивал стену у себя над головой, если она мешала ему пройти, не сгибаясь. Поднимал в воздух двух человек, ударял их лбами и отбрасывал в стороны тела с разбитыми головами. Лошадь взваливал себе на плечи! Однажды двор гостил в замке одного из вассалов покойного короля Роберта. Было холодно, камин плохо грел, слуги не успевали носить дрова, которые быстро сгорали в огромном очаге. А внизу, под окнами стоял осел, навьюченный дровами так, что еле держался на ногах. Тогда мой дед спустился во двор и вернулся в зал, неся на своих плечах этого осла

вместе с дровами. Подошел и швырнул свою ношу в камин. Вообрази себе только эту сцену! А ладонь у него была такая, что он мог посадить на нее человека и носить до тех пор, пока тому самому не надоест такая игра. Так он забавлялся с женщинами, которые прыгали к нему в постель быстрее, чем падают в костер мотыльки, опалив себе крылья.

– И ты, Агнес... ты внучка этого человека?..

Превратно поняв слова собеседника, Агнес с жаром воскликнула:

– Да, рыцарь! Но не думай, что если я женщина, то слаба. Здесь нет стены, и мне, пожалуй, не поднять лошадь, но все же я докажу тебе, что сила моего деда в известной мере передалась и мне.

С этими словами она подняла с земли огромный сук длиной фута в три и переломила его через колено.

– Матерь Божья! – ахнул Арни, бледнея и вставая с места, чтобы рассмотреть место перелома. – Да ведь эта деревяшка в толщину ничуть не меньше ноги взрослого человека!

Он попробовал поднять одну из половин, но лишь покраснел от натуги и бросил, сумев оторвать от земли один конец полена лишь на половину римского локтя¹¹.

Ноэль подошел ближе, взглянул на работу и восхищенно произнес:

– Черт возьми! Ты права, ни одна женщина, в чьих жилах не течет кровь такого гиганта, не способна на такой трюк.

---

¹¹ 33 сантиметра.

Потом легко, словно ветку с дерева, поднял одну из половинок и точно так же переломил ее о колено.

Агнес глядела на обломки, не мигая. Казалось, она потеряла дар речи. Ведь это противоречило всякому здравому смыслу! Такое сотворить просто невозможно, и если хочешь поверить, то это надо увидеть. Бросив на молодого графа взгляд, полный недоумения, она произнесла:

– Никогда не верила в чудеса и всегда считала, что если они есть, то это дело рук человека. Скажи мне свое имя, рыцарь, чтобы я знала, кто вправе меряться со мной силой.

Ноэль назвал себя.

Агнес прибавила, указывая глазами на две чурки, что остались от половины сука:

– Ни одному смертному это не под силу. Есть только один, кто мог бы показать такой фокус – мой дед.

– Или его сын.

– Но ты не можешь им быть, ты слишком молод для этого.

– Тогда, может быть, внук?

– Внук?! – вскричала Агнес и даже отшатнулась, пораженная мгновенной догадкой. – Уж не хочешь ли ты сказать, что имеешь какое-то отношение к моему славному деду?..

– Не знаю, о ком ты говоришь, – спокойно произнес Ноэль, – но мой дед был не слабее твоего, готов поклясться в этом. У него был такой же кулак, такая же ладонь, и он тоже поднимал в воздух лошадь... вместе с всадником.

Агнес сделала шаг, другой, глаза ее горели. Казалось, еще

миг – и они испепелят собеседника.

– И его звали?.. Как его имя?! – вырвалось у нее.

– Он граф Нормандский, потом де Корбейль. Он второй сын герцога Ричарда Бесстрашного, и его зовут...

– Стой, рыцарь! – Агнес бросилась вперед и, схватив Ноэля за руку, приложила другую ладонь к губам, заставив его замолчать. – Ни слова больше, если не хочешь, чтобы я лишилась рассудка. Ведь твой дед, о котором ты хотел мне сказать... его звали Можером!

Ноэль, в свою очередь, тоже схватил ее за руку:

– Откуда ты это знаешь?..

– От своей матери.

– При чем же здесь мать?

– Да ведь она дочь того самого Можера, сына герцога Ричарда!

– Силы небесные! – теперь уже отпрянул Ноэль. – То, что ты говоришь, повергает меня в трепет! Если ты скажешь к тому же, как зовут двоюродного брата аббатисы, бургундского графа, внука Конрада Тихого...

– Я знаю, о ком ты говоришь. Это граф Эд фон Верль. Его матерью была Герберга, тетка моей матери...

– Это мой отец, но он теперь Готенштайн! А мать аббатисы, Гизела Бургундская, приходилась ему теткой!

– Но это значит... это значит... боже мой... Ноэль!

Ноэль схватил руки Агнес и прижал их к своей груди.

– Это значит, черт возьми, что бы с тобой брат и сестра!

– Господи... мой брат!..

– Агнес, сестра моя!

И они бросились друг другу в объятия. Два великана, два богатыря, которым слезы были изначально заказаны по праву рождения! Запрещены силами свыше, как нечто не соответствующее физическому облику этих людей! Но тут... пропасть ли разверзлась, явив миру нечто более грозное и могущественное, нежели эти силы, или те сами этого захотели – только эти двое стояли и плакали, не отводя взгляда один от другого, не произнося ни звука. Лишь – глаза в глаза, счастливые улыбки на губах, да объятия, крепче которых, наверное, может быть только любовь.

Про Арни они забыли. А тот, упиваясь минутой двойного торжества – своего и сеньора – потягивал вино из фляги и с улыбкой поглядывал на брата и сестру. Лицами они не походили друг на друга, во всяком случае, глядя на обоих, никто бы не подумал о родстве. Но вот во всем остальном... Арни почесал затылок. Черт возьми, и как эта мысль не пришла ему в голову? Или часто он видел таких великанов и силачей? Но одно утешало: он не ошибся, это женщина. Но какая? Пентесилея!¹²

И он, от души радуясь, смотрел на Агнес и Ноэля, чувствуя и себя счастливым вместе с ними.

– Боже мой, как давно я хотела тебя найти, – говорила Агнес, глядя на брата, точно на возлюбленного, с которым

---

¹² Пентесилея – легендарная царица амазонок.

ее разлучили как минимум пару лет назад. – Мать говорила мне, что у кузена Эда есть сын, но кто знал, что они теперь в новом замке под другой фамилией.

– И мне отец говорил, что у его сестры есть дочь, но родственные чувства до сих пор не заявляли ему о себе, видимо, погребенные под неким обещанием. Наконец этот день настал, и он отправил меня в путешествие.

– Чтобы найти меня?

– Да, Агнес. И еще – мою мать. Следы ведут во Францию: она из Лана.

– А она жива, ты знаешь это?

– Я надеюсь.

– Не знает даже твой отец?

– Он считает, что она уже умерла.

– Сколько же ей лет?

– Семьдесят или восемьдесят.

– Как ее зовут? Возможно, ее имя что-то скажет мне?

– Вия.

Агнес помедлила, потом мотнула головой:

– Нет, не знаю. Наверное, никогда не слышала о ней. Может статься, твой отец прав.

– Я отправился на розыски и отыщу свою мать, пусть даже мне доведется лишь преклонить колени на ее могиле. Но скажи, есть ли еще дети у аббатисы, кроме тебя?

– Нет. Да и эта связь была случайной. С его стороны грех молодости, с ее – мимолетное увлечение. Ей было тогда

тридцать три года, а ему всего восемнадцать. Как это случилось, не могу тебе объяснить. Мать называет местом их встречи какой-то замок. Ей довелось повстречать там молодого каноника собора святого Стефана, и она мгновенно без памяти влюбилась в него. Такое случается. Не раздумывая, она отдалась ему в ту же ночь, а он наутро уехал. Больше они не виделись. В результате этой встречи на свет появилась я.

– И ты не знаешь, кто твой отец? Хотя бы имя? Аббатиса ничего не говорила тебе об этом?

– Представь, сказала. Мало того, она знает, кто он теперь и где его искать. После Меца я отправляюсь в Туль. Догадываешься, зачем? К моему отцу.

– Так он живет в Туле? Кто же это?

– Епископ Бруно, граф Дагсбург.

– Агнес! Черт меня возьми! Граф Бруно твой отец?!

– Почему это тебя удивляет? Разве тут есть что-то невозможное?

– Да ведь к нему меня и направил отец! Он дал мне пергамент, где просит своего старого приятеля представить меня королю Генриху. Своего рода протекция. Словом, я направляюсь в гости к своему дальнему родственнику. Он двоюродный дядя нашего короля, который мне приходится двоюродным братом, а тебе троюродным.

– Святая пятница, вот так поворот! Есть от чего потерять рассудок. Сегодня я нашла сразу двух братьев: один из них сын графа, другой – король!

– Да ведь и ты не простого роду. Мать – сестра короля и дочь герцогини, а отец – епископ!

Оба рассмеялись. Агнес покачала головой и с нотками восхищения в голосе произнесла:

– И нашими жизнями, дорогой брат, мы с тобой обязаны одному человеку, благодаря упоминаниям о котором и обнаружили степень нашего родства.

– Граф Можер, сын герцога Ричарда Нормандского – вот кто этот человек! Отец столько рассказывал о нем! Это был бесстрашный воин, похититель женских сердец, богатырь, Голиаф! Его прадед – сам великий Хрольф-Пешеход.

– И мы с тобой – потомки этого прадеда. Что касается нашего деда, то я боготворю его. Я заслушивалась, когда мать рассказывала о нем. А она, в свою очередь, слышала об этом от своей матери, герцогини Гизелы Бургундской, потом Баварской. Подумать только, Ноэль, если бы наш дед не поехал тогда вместе с Карлом Лотарингским к герцогине Беатрисе, нас с тобой не было бы на свете.

– Но как он сумел! – развел руками Ноэль, выражая искреннее изумление. – Ведь, по словам отца, он пробыл у герцогини всего несколько дней.

– Дорогой брат, – смеясь, ответила ему на это сестра, – женщины не оставляют таких мужчин без внимания. Каждая ищет самца, причем такого, под которого не стыдно было бы бросить свое тело. Одни рассчитывают при этом на здоровое потомство, другие попросту не желают упустить удобный

случай переспать с таким красавцем. Кто знает, что руководило дочерьми короля Конрада Тихого?

– Отец говорил, сестры не отличались высокой нравственностью. Мало того, нормандец спал с обеими сразу, покуда сестра Капета ездил к императрице.

– Настоящий мужчина! А какой воин! – воскликнула Агнес. – За таким я пошла бы на край света. – Чуть отстранившись, она с любовью оглядела Ноэля с головы до ног. – Жаль, что ты мой брат. У нас были бы сильные, здоровые дети.

– Ты, значит, еще не замужем?

– Что за мужчины кругом, если я поднимаю их и швыряю на землю, как мешки с песком!

– Тогда выходи замуж за меня, – рассмеялся Ноэль. – Тебе не поднять так просто сына Эда. Что касается родства, то оно в третьем колене, ведь мы с тобой троюродные брат и сестра. Впрочем, боюсь, папа, узнав, отлучит нас от церкви. Мало тому примеров?

– Римский первосвященник отлучает только монархов.

– Да и какой папа, о чем это я? – усмехнулся молодой граф, пропуская замечание Агнес мимо ушей. – Ни один епископ не скажет, кто сейчас сидит на троне апостола Петра, даже твой отец.

– Как ты думаешь, известно ему, что происходит в Латеране? Ведь они грызутся там между собой, как свора собак из-за костей. Трон наместника Бога на земле выставлен на торги: сядет тот, кто больше заплатит. До монастыря эти ве-

сти не доходят, я услышала их от бродячих жонглеров на одном из постоянных дворов. Думаю, королю Генриху Черному об этом известно. Как считаешь, предпримет он поход в Латеран, чтобы навести там порядок?

– Не сомневаюсь. Заодно он получит титул от нового папы. Пора из королей переходить в Светлейшие; семь лет уже, как умер император, его отец.

– Надеюсь, брат, епископ Бруно даст нам ответ на этот вопрос.

– Но ведь ты собиралась в Мец!

– Разве ты не поедешь со мной туда? Ноэль, ведь мы не виделись целых двадцать пять лет! Побудем на могиле графини Аделаиды, закажем молебен за упокой ее души и почтимся в Туль. Ты ведь не торопишься, насколько я поняла. Так как, подходит тебе мое предложение?

– Ты еще спрашиваешь! – воскликнул сын графа Эда и поднял руку, чтобы в порыве радости ударить по плечу будущего спутника. Но вместо этого, опомнившись, обнял сестру за плечи.

– Пустяки! – рассмеялась Агнес. – Думаешь, я бы рассыпалась или присела от дружеского удара?.. Впрочем, – добавила она, игриво поглядев на брата, – пожалуй, от твоей руки меня бы слегка качнуло. Итак, Ноэль, брат мой, мы едем в Мец! Как! – воскликнула дочь аббатисы, поглядев на саксонца, сидевшего на траве. – Твой оруженосец не готов? Он и ухом не ведет! Бездельник, ты еще не в седле и не держишь

в руках снаряжение своего господина?

Арни поднялся с места.

– Прошу прощения, уважаемая фрейлейн, но я выполняю указания только своего сеньора. Вы могли бы быть со мной поласковее, если припомнить, что именно благодаря моей проницательности вы обрели брата. Встреча эта, смею надеяться, доставила вам огромную радость.

– Каков нахал! Он смеет еще прекословить и упрекать меня в моих действиях. Поди сюда, негодный, я нарву тебе уши. Ах, не хочешь? Тогда, в наказание, ты повезешь мое копье.

– Что? Копье? – вытарачил глаза саксонец. – Этого еще только не хватало, будто у меня и без того мало всякого хлама.

– Да как ты смеешь отказываться от такой чести? Нет, положительно, не мешало бы тебя как следует поколотить.

Оруженосец загадочно улыбнулся:

– Быть может, сеньора, мне удастся смягчить ваш гнев, когда вы узнаете одну вещь? Если бы не я, ваша встреча с братом не состоялась бы. Ну да, ведь это мне пришла в голову мысль уговорить его отправиться в путь не вчера, а сегодня.

– В самом деле? – и вправду несколько смягчилась Агнес. – Что ж, коли так, это меняет дело.

Ноэль от души смеялся, наблюдая эту сцену. Потом спросил:

– Почему у тебя нет оруженосца? Щит довольно тяжел.

– Был у меня один, – ответила Агнес, поморщившись, – но теперь нет. Представь, однажды, напившись, он полез ко мне целоваться, и я нечаянно убила его, ударив кулаком в лоб.

– Боже правый! – осенил себя крестом саксонец. – Смею надеяться, мне не придет охота срывать поцелуй с ваших прелестных уст, госпожа. На всякий случай, следите за мной, сеньор, чтобы я как-нибудь не выпил лишнего.

– В обмен на это ты повезешь копьё моей сестры, – сказал Ноэль. – Устраивает тебя такая сделка?

– Слава богу, сеньор, что ваше копьё сломалось, ведь тогда мне пришлось бы везти два вместо одного.

– Это не устраняет твоих обязанностей так и поступать в дальнейшем, ибо отныне ты будешь служить нам обоим.

Арни вытаращил глаза:

– Ничего себе! Где это видано, чтобы один оруженосец служил двум господам и таскал на себе их железки? А ведь каждую из них впору поднять лишь такому богатырю, как вы или ваша сестра.

– Могу тебя утешить: бóльшая часть снаряжения останется с нами обоими. Но вот тебе и еще одна приятная новость: отныне, поскольку обязанности твои удваиваются, есть и пить ты будешь за двоих.

– Черт возьми, неплохое начало, – потер руками саксонец. – Надо думать, таким же окажется и конец?

– Если ты понравился сеньоре, она будет давать тебе столько денег, сколько понадобится на твои маленькие

невинные развлечения.

– Тогда меня это устраивает, господин граф, и я буду стараться. Ведь, если провинюсь, то и удары палками посыплются на меня не с одной, а уже с двух сторон.

– Не сердись, дружок, – ласково поглядела на него Агнес и легонько хлопнула по плечу. – Кто же виноват, что мой оруженосец оказался таким наглецом. Уверена, мы с тобой подождемся, тем более, что ты мне понравился: расторопный малый и за словом в карман не лезешь.

– О, сеньора, коли так, я ваш раб, – склонился в поклоне саксонец. Потом, выпрямившись, подошел к Агнес и почти-тельно поцеловал ей руку, сказав: – Надеюсь, мой лоб не пострадает от такой невинной шалости?

Брат и сестра рассмеялись.

– Тебе разве не известно, плут, что сие дозволено лишь лицам дворянского происхождения? – с укором поглядела Агнес на Арни.

– Я никогда бы не осмелился, если бы не был сыном барона, правда, очень бедного, – с достоинством ответил тот.

– Что ж, – кивнула ему правнучка герцога Ричарда, – тогда я от души прощаю тебя, тем более что ты первый, кто осмелился поцеловать мне руку. А сейчас на коней!

– В путь! – воскликнул Ноэль, и все трое, пустив лошадей мелкой рысью, направились в Мец.

Глава 4. Религиозные умонастроения правнуков Ричарда Бесстрашного

Мец, один из старейших городов Европы, был известен еще со времен римского владычества и стоял на холмах правого берега реки Мозель. Его называли городом церквей – еще до Хлодвига их было здесь уже сорок штук – и перекрестком дорог от северного моря до южного.

Наши путешественники въехали в город через восточные ворота Алеманд и направились к дворцу Аделаиды Лотарингской, которую люди больше знали под именем Адельгейды фон Мец из рода Манфрединов. Когда-то эта дама приходилась невесткой самому папе Григорию V, за брата которого вышла замуж. Она же была матерью почившего Конрада II и бабкой по отцу нынешнего короля Генриха Черного.

Ноэль втайне надеялся, что Мец по этому случаю оденется в траур и сам король пробудет в нем до конца срока. Это сулило встречу с монархом, на которую молодой граф стал надеяться, когда выслушал рассказ Агнес о том, кем была умершая герцогиня. Однако ничего подобного брат с сестрой не увидели. Город жил своей обычной размеренной жизнью, словно ничего не случилось.

На реке стояли торговые корабли; грузчики, сгибаясь под тяжестью мешков, шагали по трапам на их палубы. По кри-

вым, узким улицам медленно тащились повозки – пустые и груженные всевозможным товаром. Навстречу и в попутном направлении торопились куда-то горожане и крестьяне – кто с мешком или коробом, кто с корзиной за спиной. На рынке, мимо которого проезжали путешественники, мычали быки и коровы, блеяли овцы, визжали свиньи. Здесь же бойко шла торговля зеленью, хлебами разных сортов и помолов, фруктами, птицей, рыбой и всем остальным, что можно встретить на каждом таком рынке. А чуть в стороне расположился балаган бродячих актеров. Они соорудили импровизированные подмостки и перед внушительной толпой горожан играли комедийную сцену из какой-то пьесы.

Миновав рынок, брат с сестрой двинулись по одной из улиц, разглядывая добротные, в общем, не такие уж уродливые, как в других городах, дома. Чуть ли не перед каждым выступал вперед прилавок под навесом с выставленными на нем товарами на продажу: галантереей, изделиями из глины и дерева, ювелирными украшениями и тем, что предлагали аптекари, перчаточники, парфюмеры. И отовсюду люди шумели, галдели, перекликаясь с кем-то или кого-то зовя. Под ногами у них по немощеным улицам стайками проносились ребятишки, да бродили собаки, отыскивая себе пропитание.

На перекрестке этой улицы с другой, чуть шире этой, вдруг вырос дворец, фасадом выходящий к церкви.

– Это жилище покойной графини Аделаиды, – остановилась у ворот Агнес. – Я часто навещала ее. Она была так

добра ко мне. Отсюда и ушла в свой последний путь.

– Желаешь зайти? – спросил Ноэль. – Но зачем? Впрочем, вероятно, она завещала тебе что-нибудь.

– Мне ничего не надо, и я не за этим ехала сюда. Меня знают в этом доме. Что они скажут, подумав, что я не явилась отдать покойной последний долг? Мы узнаем, куда ее отнесли. Несомненно, у семейства есть усыпальница, но кладбищ три. Откуда мне знать, где она?

– Хочешь, пойдем вместе.

– Я иду туда не на пару слов, тебе придется долго ждать. Но изволь. Оруженосец пойдет с нами.

Привратник узнал Агнес и тотчас открыл ворота, потом, заперев, пошел доложить о госте. Вскоре вышел дворецкий, с ним слуги. Агнес поручила им оруженосца, сказав ему:

– Арни, поставь лошадей, разнуздай и ступай на кухню. Покормите его, – обратилась она к слугам. Потом снова саксонцу: – Поешь и жди нас во дворе, мы скоро.

И они скрылись за дверьми.

Некоторое время спустя брат с сестрой вышли из дворца и хотели идти на кладбище пешком, так как оно находилось не очень далеко, но дворецкий дал полезный совет:

– Поезжайте верхом, если не хотите перепачкаться в нечистотах. Их выбрасывают прямо из окон, улицы похожи на помойки, кишат мухами и осами. Не помешает легкое вооружение, мало ли что: кони у вас на зависть любому грабителю. Увы, их хватает в окрестностях. Оруженосца оставьте здесь,

что ему там делать?

Совет был разумным, не последовать ему граничило с безрассудством, и вскоре Ноэль и Агнес выехали из города через северные ворота, направляясь к кладбищу Святых Апостолов. Там, в фамильном склепе покоилась графиня Аделаида Лотарингская. Оттуда брат с сестрой отправились в базилику Сен-Пьер-о-Ноннен, где заказали сорокадневный молебен за упокой души усопшей. После этого они вернулись во дворец, до которого было рукой подать, и остались там на ночь. Утром, простившись с домочадцами, все трое возобновили свое путешествие. Покинув город через южные ворота, они правым берегом Мозели направились в Туль.

– Кажется, ты не особо склонна к молитвам, – дорóгой сказал Ноэль. – Да и крестное знамение твое, – он усмехнулся, – явно не от души. А если еще припомнить, как торопливо ты вышла из базилики...

– Осуждаешь? – искоса взглянула на брата Агнес. Потом прибавила, устремив задумчивый взгляд вдаль: – Наш дед был не только храбрым и веселым человеком, но еще и безбожником. Мечтаю во всем, и в этом также, походить на него.

– Агнес, ты с ума сошла! Дочь аббатисы! Что скажет мать, узнав, что религия для тебя – всего лишь пустой звук?

– Моя мать тоже во многое не верит. Если не во всё. – Она повернулась, устремив вопрошающий взгляд на брата. – А ты, Ноэль? Не рассказывал тебе отец, как наш дед рас-

правлялся с попами, епископами и даже с самим папой? Как критиковал Ветхий Завет, считая все, что в нем написано, выдумкой невежественных евреев? Послушай-ка, я расскажу тебе кое-что. Однажды в наш монастырь пришла девица лет пятнадцати от роду. Она была христианка и отличалась редким благочестием. Перед тем, как стать послушницей, ее напутствовал монастырский духовник. Она сказала ему, что готова вручить свое тело и душу Иисусу Христу, в ком видит начало и конец всякой любви. Не передумает ли она, не откажется ли от добровольного затворничества во славу Господа нашего, побуждаемая мыслями о мирском? Так спросил ее духовник. Она ответила, что нет силы, способной заставить ее отказаться от принятого решения вверить себя Иисусу Христу, посвятив Ему свою девственность. Позже, стоя близ алтаря, мать смотрела, как эта одержимая молилась с таким усердием и жаром, словно ее вдохновлял сам Дух Божий. Но взгляд аббатисы не выражал одобрения, когда она рассказывала мне об этом. В нем сквозила насмешка. Увидев это, я захотела узнать причину, если только глаза не обманули меня. Оказалось, нет. Вот как ответила мне мать под завывание ветра и пугающий стук веток вяза в затворенное окно:

«Знаешь ли ты, дочь, что есть религия? Лестница. Ее первая ступень – набожность, порождающая веру. Вера убивает тягу к знаниям, это родит невежество, которое позволяет легче управлять человеком – вот и еще три ступени. До-

гадываешься теперь, кем создана религия и для чего? Пони-
маешь ли, насколько лжив и вероломен этот огромный ин-
ститут, призванный спасать людей от греха и сам погрязший
в нем? Хорошо ли ты читала Священное Писание? Наделен-
ная от природы острым умом, ты не можешь не понять всю
нелепость того, что в нем сказано и чему глупые люди верят
без оглядки. Вот, смотри, Ветхий Завет, – она положила руку
на книгу, лежащую на столе. – Светоч истины, наставник за-
блудшим, проводник веры! А знаешь ли, сколько в нем кро-
ви? Ею полита каждая страница, и каждая же учит обманыв-
ать, грабить и убивать. Об этом знают все священнослужи-
тели, но представляют это людям как божественный промы-
сел, как нечто угодное Богу, одобренное им во славу веры,
во имя человека, ради его спасения. Муками ада стращают
они при этом прихожан, прекрасно зная, что нет ни ада, ни
дьявола – ничего! Все это нужно для того, чтобы держать
человека в страхе, делать его послушным. И, прикрываясь
именем Бога, святоши творят так называемые чудеса, уве-
ряя, что руководствуются при этом деяниями и одобрением
самого Иисуса».

Я смотрела на нее во все глаза, Ноэль, и не могла пове-
рить. Одно время я догадывалась, что мать не слишком-то
благочестива и исправляет свою должность либо по обязан-
ности, либо в силу лицемерия. Оказалось, должность эта
приносила неплохой доход, к тому же считалась весьма по-
четной; аббатисами становились дочери баронов, графов и

даже герцогов. Но, ступив на этот путь, мать возмечтала докопаться до истины. По ее словам, в священных книгах было много тумана, и ей надлежало развеять его, чтобы без смущения отвечать молоденьким испытуемым и послушницам ее монастыря. Но главное, что толкнуло ее стать аббатисой, даже не в этом. Она часто слушала высказывания отца по поводу религии, может быть, даже чаще, чем следовало бы. Раз за разом зерна правды падали в ее душу и, наконец, дали ростки. И она захотела убедиться сама, насколько прав ее отец, так ли нравоучительно Священное Писание, которым руководствуются попы. Понадобились годы, чтобы она поняла продажность, гнилость и откровенный обман со стороны этого учреждения, которое называет себя Церковью. Под этим словом скрываются лицемерие, убийства и порок. Всё с ведома Господа, одобрено им и ему во благо. Сам же Бог всемогущ, ему все подвластно. Вот и держат церковники людей в страхе, поскольку представляют слуг божьих, а стало быть, выполняют волю владыки небесного. А по поводу Библии у нее сложилось определенное мнение. Тот, кто писал Ветхий Завет, настолько выдохся, устав копировать греческие и древнееврейские легенды, что принялся сочинять глупости, нагромождая их одна на другую – всё для того, чтобы удивить, устрашить, покорить паству всемогуществом Божьим. Так она сказала. Но ее смущал образ Спасителя. Что в нем правда, а что вымысел? Да и правда ли это? Ведь если Бог – всего лишь легенда, тогда откуда взялся его сын?

– В самом деле, – согласился Ноэль, – это не дает покоя и моему отцу. Но вся беда в том, что он не может ответить на вопрос: есть Бог или его нет? Если есть, почему он не помогает людям, ведь каждый из них молится, прося даровать жизнь, здоровье, любовь, дождь или солнце, да мало ли что еще? И когда исполняется то, чего просил человек, то он благодарит за это Бога, не давая себе труда уяснить, что делу помог случай или стечение обстоятельств, возможно даже сам человек или природное явление. С другой стороны, если Бога нет, то откуда взялась эта земля, по которой мы ходим, как появились на ней люди, животные, звери, кто проложил реки и воздвиг горы? В свое время его отец в меру своих познаний объяснял ему, что все это создала природа, оно возникло само собой из-за благоприятных условий, причем очень давно, вероятно, много тысяч лет назад. Однако доказать свои взгляды он никак не мог. Естественно, ссылался на древних авторов, отрицавших божественность мироздания. Но откуда же тогда взялся сын Божий, если они не верят в существование его отца?

– Как откуда? – засмеялась Агнес. – Спустился голубь с небес, принял облик ангела, да и наведалься в гости к Деве Марии под видом проезжего молодца, пока ее олух супруг строгал доски во дворе. Что же тут неясного? Или ты не читал Новый Завет? Понимаю, иные читали. А раз так, то слепо верят всему, что там написано, я имею в виду жизнь Христа. И это – нечто непреложное, непререкаемое и необсуж-

даемое, ибо тот, о ком мы говорим – идол, сын Бога. Ему молятся, его просят, его именем свершаются казни, ведутся войны, льется кровь. В его же честь возводят храмы и города. Не так ли?

– Верно, – хмурясь, кивнул Ноэль, – но не пойму, куда ты клонишь. Знаешь такое, чего не дано знать ни одному смертному, быть может, даже и папе?

– Как раз папа и открыл однажды глаза моей матери на действительное положение вещей. Это был Иоанн Девятнадцатый. В то время, когда повсюду случился голод, он оказался проездом в Регенсбурге и навестил монастырь. С ним был кардинал. Они выразили желание отдохнуть и побеседовать о делах местной епархии и этого монастыря, а также о проблемах, которые вызывал голод. Аббатиса отвела им келью, и они заперлись в ней. И тут ей пришлось в голову тайком прислушаться к беседе папы с кардиналом. Вдруг они обнаружили непорядок? Она долго боролась с искушением, ведь монастырским уставом запрещено подслушивать у дверей. Но кто из монахинь посмел бы уличить настоятельницу в нарушении устава, тем более, что доказать это представлялось достаточно сложным? Она просто стояла у дверей в ожидании каких-то новых распоряжений от высоких гостей. Кто стал бы утверждать, что она подслушивала?

Подумав так и убедившись, что в коридоре никого нет, да и не может быть, поскольку монахини собирали яблоки в монастырском саду, мать приникла ухом к двери. Внача-

ле беседа текла о насущных делах, клюнийской реформе и о некоем монахе Дамиани, яром стороннике этой реформы. Потом заговорили о пастве, и наконец папа Иоанн сказал такое, что у моей бедной матери глаза едва не полезли на лоб. Вот что она услышала:

«Как хорошо, что кто-то догадался выдумать Христа, – говорил папа. – Сколько пользы принесла нам эта басня о нем».

«Безусловно. Теперь правим миром мы, а не короли, – ответил кардинал. Потом спросил: – Как же возникла такая басня?»

«Римляне-язычники поклонялись богу солнца Митра, – стал объяснять папа, – отсюда возник митраизм – древнеиранское верование. Культ этого бога и царствовал в древнем Риме до четвертого столетия. Но потом придумали другого бога, наделив его теми же деяниями, коими прославился среди римлян и Митра. Всё точь-в-точь, один в один, авторы Нового Завета не потрудились дать волю воображению и описали Христа таким, каким и был этот Митра. Тот, оказывается, тоже выступал в свое время в роли спасителя и точно так же вознесся на небо, чтобы спуститься на землю в день Страшного суда. Так что никакого Сына Божьего никогда не было».

«И опровергнуть это невозможно, ибо не существует ни одного документа, подтверждающего существование Иисуса как человека», – ответил кардинал.

«Вот именно, – засмеялся папа. – И не Сын Божий создал христианство, а оно само заимствовало образ Спасителя из культов древних языческих богов».

– Представь теперь, брат мой, – продолжала Агнес, – како-во было моей матери, аббатисе, услышать такое откровение? Она отшатнулась от двери и хотела уйти, но не могла сделать и шагу. Ее словно парализовало. Религия... христианство... вера в Бога... Какой огромный институт обмана людей, откровенной насмешки над ними, как глупыми овцами!.. Но ее потрясение быстро прошло, да и не очень-то она удивилась, если разобраться, просто не ожидала услышать таких слов не от своего отца, а... от кого же? От самого папы римского, наместника Бога на земле, преемника апостола Петра! Выходит, Ноэль, духовенство прекрасно знает, что дурачит людей, однако это приносит ему доход и позволяет держать в подчинении темные народные массы.

– Возможно ли это опрокинуть, уничтожить, изменить? – промолвил молодой граф. – Что думаешь ты об этом, сестра?

– Никогда, – был ее ответ. – В мире царят волчьи законы, бесправие народа, его унижение. В таком обществе вера неизбежна. Повсюду безработица, вызывающая голод, люди в большинстве своем невежественны – все это и вызывает потребность в религиозном утешении.

– Прав был наш дед, который не верил во всю эту чепуху, откровенно насмехаясь над попами и обличая их пороки, – воскликнул сын Эда. – Он видел корни этого зла и боролся с

ним по-своему, но, увы, так и остался в одиночестве. Впрочем, у него был друг, некий монах; тебе, вероятно, известно об этом. Он и стал первым критиковать Священное Писание, находя на каждой странице то призывы к кровосмешению, подлогу и убийству, то нелепости одна чище другой. Например, в Евангелии по Матфею детство Христа прошло в Египте, а по Луке в Иудее. А где он родился? Первый называет Вифлеем, второй – Назарет. Так где же именно? Тот же Матфей в родословной Христа насчитывает сорок два предка, а Лука – пятьдесят шесть. Что за противоречия! Отчего они?

– Могу добавить, – усмехнулась Агнес. – Во второй книге царств говорится, что Мелхола не имела детей, а затем, в этой же книге читаем, что у нее пять сыновей. Мне говорила об этом мать.

– Какой же вывод? – спросил брат.

– Весьма простой. То, что некогда происходило на земле, попросту подгонялось под Библию, а в Евангелиях писалось о том, чего никогда не было, то есть о вымышленных событиях, а не о действительных. Всему виной сборники проповедей, сочиненных еще во времена Ганнибала. А «биография» Иисуса Христа составлена из пророчеств; они хранятся на папирусах и датированы Вторым веком, еще до рождения Юлия Цезаря. Как видишь, брат, всё, что в этих так называемых священных книгах – сплошные выдумки, а религия, именуемая христианством и исламом, не что иное как

обман, средство отнять у человека разум.

– Это чудовищно, Агнес. Мы с тобой обладаем тайнами, недоступными простым смертным, даже королям. Хорошо, что нас слышит один только Арни. – Ноэль обернулся. Оруженосец, заговорщически подмигнув, приложил палец к губам, потом руку к груди. – Узнай о наших с тобой атеистических взглядах церковники, нас немедленно сожгли бы на костре, обвинив в колдовстве и сношениях с дьяволом. Кстати, как объяснить его существование? Ведь Бог всемогущ, что стоит ему удавить врага рода человеческого? Или мало он и без того пролил крови? Что говорит по этому поводу аббатиса? Вряд ли она умолчала об этом, раскрывая тебе глаза на веру.

– Дьявол – лицо значимое в небесной канцелярии, – подняла вверх палец Агнес. – Ему можно приписать все глупости и мерзости, исходящие от Бога, поэтому Бог и нуждается в нем. Что же касается нас с тобой, то не будем на людях распускать языки: никого уже не переубедить, а врагов наживем могущественных. Думаешь, все верят в Бога? Как бы не так! Добрая половина делает вид. Так надо. Нельзя быть овцой в волчьей стае. К тому же человек – существо, по сути, мерзкое. Как знать, не донесет ли на тебя твой сосед или приятель? А тогда – отлучение, и ты изгой, мусор, выброшенный за борт.

Лежа в своей келье и прощаясь со мной, мать напутствовала меня:

«Агнес, ты много знаешь, но язык хорош тогда, когда приносит пользу и не вредит жизни. Церковь стремительно набирает силу, еретиков выслеживают, отлавливают, затем пытаются в подвалах замков и в застенках монастырей. Кончают они плачевно: им рубят головы и сжигают на кострах. Представь, что сделают с человеком, отрицающим веру во Христа во всех ее проявлениях? Во времена твоего деда властвовал король, лишь он мог отдать приказ о преследовании инаковерующего, и он же мог лишить епископа епархии, если тот пойдет против его воли. Нынче король слаб, его никто не слушает; это я о франкском дворе. У них теперь епископы сильны, папа дал им власть, а пойдя кто против – предаст анафеме. Наш король не чета французскому: с таким же успехом отберет землю у епископа, с каким стащит с трона папу. Знатные люди королевства ищут его расположения и дружбы. Ни тем, ни другим ты не можешь похвастать. Поэтому будь осторожна. И помни: тебя охраняет мой титул и сан, но может погубить твой язык. Остерегайся святых отцов. Нет никого лживее и вероломнее церковников. Они никогда не работали, а на жизнь зарабатывают тем, что обманывают людей. Ничего другого они делать не умеют и не хотят. Ищи себе друга, но помни: единственный человек, которому ты можешь довериться, открыться во всем – твой брат. Найдешь его, знай: вернее товарища тебе не найти. Но разыскать его – нелегкая задача. Я давно потеряла следы Эда, а теперь, сидя в этом монастыре, и вовсе не имею понятия, где его новый

замок и как он зовется».

Я спросила ее про отца. Она ответила:

«Он добрый, хороший человек, но не особо привечает своих родственников. Любит одиночество. Должно быть, поэтому и не ищет тебя. Но времена не стоят на месте; возможно, он переменялся. Люби своего брата, если найдешь его; вместе вас, внуков графа Можера, не одолеет никакая сила. Он штурмовал монастыри; вам двоим, полагаю, удастся взять в плен самого папу вместе с его Латераном.

А брата, коли найдешь, привези ко мне. Хочу крепко обнять и поцеловать его. Я никогда не видела его, тем не менее, люблю. Почему? Да очень просто: от Можера Нормандского не может быть худого потомства. А сказала я тебе это потому, что уже стара, ведь мне пятьдесят девять лет. Как знать, доведется ли увидеть племянника, если не могу встретиться с Эдом. С этим и поезжай, дочь моя. Поклонись низко праху графини Аделаиды и начинай поиски брата. Верю, что найдешь его: фигура заметная. Знаю, такой же гигант, как его дед и отец».

Агнес замолчала, задумчиво глядя меж ушей лошади. Потом внезапно вскинула голову, спешила и взяла под уздцы другую лошадь.

– Иди в мои объятия, брат мой! Мы с тобой столько говорим, а ведь я даже не поцеловала тебя от души!

Ноэль соскочил с лошади и бросился в объятия сестры. Они ни о чем не говорили, просто стояли на тропинке меж

двух холмов, тесно прижавшись друг к другу, и Агнес без устали целовала брата.

Арни, глядя на них, вздыхал, качая головой и улыбаясь. Он думал о том, как сказать этим двум сумасшедшим, что пора бы отдохнуть и основательно подкрепиться на дальнейшую дорогу. Черт его знает, где этот Туль, скоро ли покажется?

Глава 5. Бруно, граф Дагсбург, тульский епископ

Туль – город столь же древний, что и Мец; римляне построили его как крепость. В 612 году здесь произошла битва сыновей короля Хильдебера за область Эльзас. Теодебер отнял у Тьерри эти наследственные земли; тот пошел войной на брата и от самого Туля погнал его до Кёльна, где и взял в плен, а потом приказал удавить.

С тех пор город разросся совсем незначительно и ныне стал центром тульского епископства. Весьма любопытно местоположение Туля: он стоит там, где река Мозель поворачивает влево, а Маас – вправо¹³.

Путешественники подъехали к городу на другой день, после полудня. На мосту через Мозель, ведущему к городским воротам, они остановились, глядя на реку и ее берега. Здесь

---

¹³ В народе ходила легенда о двух речных божествах, мужском и женском, которые таким образом хотели встретиться. Они уже потянулись друг к другу, но им помешала Наяда, влюбленная в божество реки Маас. Она упростила речного бога Кефиса, чтобы тот повернул оба русла, дабы ее возлюбленный не встретился с любимым им божеством реки Мозель. Так и остались протянутыми оба рукава, которые Кефис повернул вспять, образовав из каждого нечто вроде подковы. Глядите, мол, сколь сильна моя власть над вами, ничто не способно ее сокрушить. Но недолго торжествовала нимфа Наяда. Так и не добившись любви от своего речного божества, она упала в реку, решив утопиться. Кефис пожалел ее и оживил, дав вместо ног рыбий хвост.

на якорях стояли торговые корабли из Нижней Лотарингии, Фрисландии, датского королевства. Это был конечный пункт их маршрута; отсюда они отправлялись обратно – на Рейн и в Северное море; иные уходили в Англию.

На набережной кипела работа: с кораблей выносили по трапам какие-то короба, обратно катили бочки, несли корзины, мешки. Потом из трюмов стали выводить животных: коров, коз, свиней; они переходили из рук в руки, и новые владельцы тотчас вводили скот в свои хозяйства. А из города по трапам вновь тащили какие-то тяжелые тюки и поднимались на борт корабля новые люди – странники, послы, господа в дорогих одеждах и со штатом слуг. Среди пассажиров и вольнонаемные рабочие, направляющиеся в поисках заработка в другие города: Трир, Кобленц, Кёльн.

Словом, здесь наблюдалась та же картина, что и в любом городе, стоящем на реке. Река Маас же, в отличие от Мозели, в этом месте была не судоходна, по ней могли плыть только лодки; корабли шли по Маасу лишь до границ Верхней Лотарингии.

У ворот города странники спросили дорогу к дворцу епископа.

– Дворец? – вскинул брови горожанин, к которому они обратились с этим вопросом. – Дом, хотите вы сказать? Наш епископ не любит роскоши, не то, что другие. Он у нас простой, нос не задирает, и люди с ним запросто беседуют. А живет он близ базилики Святого Гангульта, эта улица выве-

дет вас почти что к его жилищу. Словом, доедете до базилики, а там вам любой скажет.

Поблагодарив горожанина, путешественники отправились указанным маршрутом и вскоре подъехали к дому, где жил епископ Бруно. Дом, правда, оказался двухэтажным, с башенками по бокам, мансардой, высокой крышей и воротами, у которых прогуливался стражник. Не дворец, конечно, но никто и не стал бы утверждать, что здесь живет простой горожанин или купец. Здание дышало монументальностью.

Ноэль поинтересовался, дома ли хозяин и попросил доложить, что его желают видеть и беседовать с ним два рыцаря. Они приехали издалека, и у них есть к епископу важное дело.

Привратник ушел, но вскоре вернулся и попросил гостей войти. Клирик, пришедший с ним, повел их к дверям. Они вошли и, прежде чем подняться по лестнице на второй этаж, огляделись. Ничто не указывало на то, что хозяин этого дома – духовное лицо: ни одной иконы на стенах, ни одного распятия, даже подсвечников не было; три факела освещали пространство поздним вечером – два у лестницы, один у дверей. Два окна против ступеней – слева и справа. Низкий потолок, две приземистые массивные колонны с капителями, тяжелый дубовый стол в углу, темные стены, угрюмая тишина, окутывающая прихожую и прячущаяся за балюстрадой второго этажа – все говорило о громоздкости, неуклюжести, тяжеловесности. Наверху, на последней ступени лестницы, которая выдержала бы, пожалуй, огромного слона, стоял ви-

карий – маленький, невзрачный человечек с кривым носом и тонкими губами. Он поздоровался с гостями и пригласил их следовать за собой.

Брат с сестрой переступили порог кабинета епископа и, поклонившись, застыли: их пригвоздил к месту острый, властный взгляд человека, стоящего напротив них, у камина. Лицо его обрамляла густая, окладистая борода; прямой, чересчур длинный нос опускался на верхнюю губу, деля ее пополам; губы не выражали ничего – ни надменности, ни радости, ни удивления. Лишь в глазах читался немой вопрос.

Одет был епископ в фиолетовую мантию, на голове – шапочка того же цвета. Он стоял, опираясь одной рукой о спинку кресла.

– Странствующие рыцари – довольно редкое явление в моем доме, – мягким голосом уроженца Эльзаса проговорил хозяин. – Полагаю, они посланы некой особой, желающей передать мне какое-то поручение. Не исключаю, однако, что странники попросту ищут крова. Но есть и еще причины. Например, они прибыли с жалобой. Наконец, они ищут покровительства церкви в вопросах, касающихся наследства одной из уважаемых семей.

Епископ улыбнулся, пошел навстречу гостям и остановился от них в двух шагах, перебегая глазами с одного лица на другое.

– Церковь всегда поможет тому, кто нуждается в ней, – продолжал он, – пусть даже он и не послан своим господи-

ном, а прибыл сюда как вассал церкви, ее верный почитатель, радетель ее устоев и борец за веру в Господа нашего. Но довольно болтовни, сеньоры, я вижу, вам не терпится изложить мне суть дела. Давайте начнем с того, кто из вас старше. Мне кажется, это вы, – остановил он взгляд на молодом графе. – Начинайте первым.

– Ваше преосвященство, меня зовут Ноэль, я сын графа Эда фон Готенштайн, в прошлом фон Верль. Я разъясню, если вам сразу же не удастся припомнить: граф Эд – шурин покойного короля Конрада Второго, вашего двоюродного брата.

– Я помню Эда, – еще шире улыбнулся глава тульской епархии и подошел ближе, глядя снизу в глаза рыцарю. – Я хорошо его помню, ведь мы были когда-то дружны, несмотря на разницу в возрасте. Бог мой, ему сейчас, вероятно, уже...

– В следующем году ему будет шестьдесят.

– Значит, он жив? – искренне обрадовался епископ. – И, надеюсь, здоров? Я от души рад этому. Хотелось бы встретиться, нам есть о чем поговорить. Мы вспомнили бы наши приключения во время правления покойного короля Роберта, ведь мы с Эдом одно время бродяжничали, скитаясь по дорогам Франции и Германии, занимались разбоем.

– Отец часто вспоминает те времена. Говорит, лучшего товарища у него не было. Однако ваши похождения не всегда ограничивались поисками хлеба насущного, нередко они заводили вас в монастырские кельи и альковы прекрасных

дам.

– Да, да, – соглашался пастырь Туля, кивая в знак согласия, – приключений у нас хватало, это ты верно заметил, мой мальчик. Так ты, Ноэль, стало быть, его сын и внук Генриха Первого? – Епископ ласково обнял за плечи молодого человека. – Я рад, что ты приехал ко мне. В последний раз я видел тебя совсем мальчишкой, в тридцатом году. Ты и тогда был высоким, крепким, самым сильным среди сверстников. Наверное, ты помнишь, как в те времена начался голод, церковь помогала людям. Я заезжал в поместье к графу, твоему отцу. Мы ходили с тобой ловить рыбу, ставили капканы на зайцев и били стрелами птицу.

– Я тоже рад нашей встрече, монсеньор, и помню ваш приезд к нам. Жаль, что мы тогда так надолго расстались.

– Да, я ведь уже был епископом Туля, и меня, как ты сам понимаешь, призывали дела епархии. Но какими судьбами, Ноэль? Что заставило тебя покинуть замок? Впрочем, догадываюсь: ты отправился путешествовать по свету вместе с товарищем. – И граф Дагсбург поглядел на Агнес, несколько удивляясь ее также высокому росту и крепкому телосложению.

– Не совсем так, ваше преосвященство...

– Без титулов! – выразительно поднял ладонь епископ Бруно. – Без титулов, Ноэль. Ты мне как сын, и я позволяю тебе обращаться ко мне, как к отцу. Мне это тем более будет приятно, что своих детей у меня, к несчастью, нет. Так что

ты хотел сказать?

– Дело в том, что я отправился странствовать не только в поисках приключений, но еще и своей матери. Увы, я даже не знаю, жива ли она еще. Проезжая по городам, я опрашиваю людей, но они ничего не слышали о женщине по имени Вия.

– Да, да, – проговорил епископ, качая головой, – темная история. Эд рассказывал мне. Все случилось так неожиданно. Впрочем, в те времена этому не удивлялись. Из-за войн многие дети оставались без отцов и матерей, а те – без детей, которых либо крали, либо они умирали от голода. Да-а, голод... Хорошо, что твой отец оказался сыном графа Германа, а потому вас долгое время спасал ваш замок, в подвалах которого хранились припасы.

– Монсеньор, я прибыл к вам с открытой душой как к честному, доброму и справедливому человеку, к тому же другу моего отца, а потому хочу, чтобы между нами все было предельно ясно. Я не приемлю лжи, а здесь не допускаю ее вдвойне. И я признаюсь вам как духовному отцу на исповеди в том, о чем до сих пор в нашей семье хранили молчание. Объявлено, что отцом графа Эда является Герман Первый, граф фон Верль, умерший незадолго до того, как его супруга Герберга повстречала сына герцога Ричарда Нормандского. Его звали Можер. Встреча эта не прошла бесследно: вскоре у Герберги родился сын – мой отец. Так что в его жилах, как и в моих, кровь норманнов.

– Вот оно что, – поглаживая подбородок, проговорил епи-

скоп. И продолжал: – Я знаю этого нормандца, мы встречались с ним. В то время Генрих Французский воевал с братом за корону, и мне приходилось выступать в качестве миротворца, переезжая из одного лагеря в другой. Можер был сотником в войске короля, и тот прислушивался к его и моим советам. На этой войне и сложил голову твой дед.

– Отец рассказывал, Можер дня не мог прожить, чтобы куда-нибудь не уехать и где-нибудь не воевать. Что поделаешь, он родился воином. Неудачно вышла замуж Изабелла де Бовэ. Редко видела мужа, вести о нем доходили до нее только от гонцов.

– Хорошо, что ты рассказал мне об этом, мой мальчик. Ты честен, и я рад этому. Твой дед тоже был таким, хотя и слыл порядочным ветреником и бесшабашным человеком. Однако ты не много потерял: его род знатнее, нежели род графа Генриха.

– Я не все еще рассказал вам, монсеньор, – продолжал Ноэль. – Герберга имела от Можера сына, а ее сводная сестра Гизела – дочь, которая родила девочку. Догадываетесь, кем приходится мне эта девочка?

– Она твоя троюродная сестра, Ноэль! Тебе что-нибудь известно о ней?

– Я нашел ее! Никогда не видел, даже не знал о ее существовании, и вот, отправившись странствовать, разыскал. Как – об этом я расскажу позднее.

– Хорошо. Так значит, – спросил епископ, слегка нахму-

рившись, что служило признаком размышления, – ее мать была дочерью нормандца? Теперь мне понятно: она двоюродная сестра твоего отца, кузина. Но кто же отец твоей сестры и кто мать? Назови их имена. И кто она сама?

– Имя ее матери – Бригитта, она аббатиса регенбургского монастыря. Дочь зовут Агнес, а ее отец...

– Да, кто же отец? – живо заинтересовался епископ, ни о чем не подозревая. – И где она сама?

– Ему было восемнадцать лет, когда его назначили каноником собора святого Стефана в Туле. Как-то в одном из замков он увидел прекрасную женщину, вернее было бы сказать, она первая увидела его. Она была много старше этого каноника, однако это не помешало ей отдаться ему в первую же ночь. На другой день он уехал, а эта женщина по истечении известного времени родила дочь, которую назвала Агнес. Звали эту женщину...

– Бригитта! – воскликнул епископ, впившись глазами в Ноэля. – Ее звали Бригиттой, теперь я вспомнил! Но ты говоришь... ты сказал мне... – епископ задыхался от волнения, руки его тряслись, он с трудом подбирал слова, – ...сказал, что нашел Агнес... свою сестру! Где же она? Покажи мне ее, Ноэль!

– Нет ничего проще, монсеньор, – улыбаясь, ответил сын графа Эда. – Она стоит рядом со мной. Взгляните, вот она! Неужели вы до сих пор не заметили, как слезы застилают ей глаза? Ведь она никогда не видела своего отца.

Епископ рывком подошел к Агнес. В глазах его читалось удивление и недоверие, переходящее в испуг. В самом деле, может ли такое быть? Уж не разыгрывают ли его? Но не похоже. Да и кто посмел бы?..

– Как... – пробормотал он, бледнея и отступая на шаг. – Вот этот рыцарь... этот великан... Ноэль, признайся, ты хочешь сыграть со мной дурную шутку...

Он снова приблизился и стал пытливо вглядываться в лицо своей дочери, ища в нем черты, которые, быть может, еще сохранились у него в памяти, хотя прошло уже двадцать шесть лет. Он все еще не мог поверить, это читалось по его глазам и лицу, пока что не выразившему бурной радости. Но вот Агнес заговорила... Услышав ее голос, Бруно вздрогнул. Глаза его расширились, рука легла на грудь, словно стараясь унять биение сердца, и он шагнул навстречу... Тут он увидел, как она подняла свои руки, готовая броситься к нему и обнять его.

– Это я, отец, твоя дочь... – произнесла Агнес, несколько смущенно улыбаясь. – Мать так мечтала, чтобы мы встретились... Она мне все рассказала, даже описала шрам над твоей левой бровью, которого уже не видно. И еще она сказала, что я одна у нее на всем свете, и у тебя тоже нет других детей, кроме меня, твоей единственной дочери. Живя в неизвестности, я, тем не менее, люблю тебя всей душой, как любит до сих пор моя бедная мать аббатиса. Не смотри, что я в облике рыцаря, и обними скорее свою дочь, дорогой отец...

И она бросилась в объятия епископа Бруно.

Ноэль, опустив взгляд, отошел в сторону. Наткнулся на стул. Присел, решив, что на это теперь уже не требуется позволение хозяина. Стул предостерегающе заскрипел всеми своими перекладинами. Ноэль поторопился подняться с него, но опоздал. Стул развалился, будто сам Антей, устав держать небо, уселся на него.

Отец и дочь ничего не услышали и не увидели. Мало того, они, кажется, даже забыли о присутствии третьего лица, всецело занятые друг другом, глядя неотрывно глаза в глаза и что-то говоря при этом, должно быть, касающееся аббатисы. Ноэль не слушал их; сложив руки за спиной, он принялся разглядывать развешанные по стенам полотна со сценами из библейских сюжетов. Потом его внимание привлекли бюсты Цезаря и Карла Великого верхом на коне, рядом – Генриха Птицелова¹⁴, тут же – фигура распятого Христа. Наконец он оглянулся на неожиданно встретившихся родственников. Пожалуй, стоит прийти на выручку одному из них в силу некоторого вполне естественного смущения.

Не обращая на него ни малейшего внимания, отец с дочерью сидели на диване и, взявшись за руки, вели оживленную, но прерывистую беседу.

– Так ты, значит, приняла образ рыцаря? – спрашивал епископ Бруно, не сводя глаз с дочери. – Но зачем? Гоже ли

---

¹⁴ Генрих I Птицелов (ок. 876–936) – германский король из рода Людольфингов, основатель Саксонской династии. Правил в 919–936 гг.

это для женщины?

– Для меня – да! – убежденно ответила Агнес. – Я здоровая, сильная, одной рукой могу поднять человека. К чему быть женщиной, если я рождена стать воином? Я не желаю шить, вязать, перебирать струны на лютне и петь песни; моя рука не может держать ничего, кроме меча, топора, лука и копья, которым я поражаю цель с тридцати шагов. Такой уж я рождена, отец. Никто не хочет жениться на мне, – неожиданно добавила она.

– Не хочет? – улыбаясь, переспросил Бруно. – Но отчего же? Красива, умна, крепка. Чего же еще надо мужчинам?

– Они не желают спать с рыцарем, им нужна женщина – мягкая, кроткая, с голосом, подобным журчанию ручья, с белыми руками и лебединой шеей. Ничего этого у меня нет. Однажды некто вздумал посмеяться надо мной, сказав, что мне никогда не стать матерью, потому что кладбище не родит детей. Я выбросила наглеца в окно, и он упал в грязь, рядом со свиньей. Другой пожалел, что у него дома нет лестницы, которую надо подставлять всякий раз, когда ему захочется поцеловаться со мной. Я подняла его и повесила на бычий рог, что торчал в стене. «Теперь не нужно искать лестницу, – сказала я ему, – тебе стоит только позвать меня, если только мне придет охота подойти». Так он и провисел до тех пор, пока рог не обломился. Больше желающих не нашлось. Да и что за мужчины, если я тащу двух подмышками, как гусят. Мне подошел бы такой, как Ноэль. Но он мой брат, и в этом

вся беда.

– Увы, папский указ запрещает браки до пятого колена, – кивнул епископ, загадочно усмехнувшись при этом. – Однако пап много, любой из них может отменить такой вердикт, во всяком случае, сделать исключение.

– Для этого, отец, надо снискать благорасположение папы. Между тем, то, что творится нынче у святого престола, скорее вызывает желание дать первосвященнику хорошего пинка под зад.

– Увы, Агнес, дочь моя, ты права. До меня доходят слухи о беззакониях, творимых папами: о грабежах народа, бесчисленных оргиях с потаскухами, которых каждый вечер приводят к ним во дворец. Особенно этим прославился нынешний, Бенедикт. Вообрази, он стал папой в двенадцать лет! Понятно, всеми делами Латерана заправляют вельможи, которые чувствуют себя хозяевами, ибо это их ставленник.

– Щенка, кажется, устраивает такое положение дел?

– Еще бы! Пирь и веселье не утихают во дворце, а каждую ночь в постель папе кладут новую шлюху.

– И это глава христианства! – в сердцах воскликнула Агнес, вскочив с места. – Что же это за религия такая, если наместником Христа является желторотый птенец! Клянусь, я лично стащу его с трона, чего бы мне это ни стоило! И ты еще спрашиваешь, отец, отчего я стала воином? Я отвечу тебе. Во-первых, чтобы однажды ворваться в папский дворец на плечах солдат, которых я буду вести за собой. Во-вторых,

я готова убить любого, если увижу, что он причиняет зло тому, кто не может защитить себя. Всё кипит во мне, если я вижу вора, что крадет у нищего последнюю монету. Кто же заступится за обиженных, кроме рыцаря? И могу ли я быть кем-то другим, если не воином с копьем, мечом и железной рукой, творящей правосудие! Таким был мой дед, и такой родила меня моя мать!

– Будь иначе, мы никогда бы не встретились с сестрой, – подошел ближе Ноэль и рассказал епископу, что произошло близ Страсбурга.

– Как вы не убили друг друга, диву даюсь, – покачал головой граф Дагсбург. – Ведь стоило вам обоим метнуть копье, и...

Ноэль засмеялся и, поймав удивленный взгляд епископа, пояснил:

– Рыцарь поступает так лишь в том случае, когда уверен, что перед ним враг, например, на поле битвы. При встрече с соперником, как произошло у нас, он не бросает копье, а ломает его в поединке. Потом вынимает меч. Таковы законы рыцарства в Германии. Похоже, монсеньор, во времена вашей молодости было по-иному.

– Понимаю и рад, что на месте одного из вас не оказался сарацин. Тому не знакомо понятие чести, он мог пустить стрелу или бросить пику.

– Исчадья ада, грязные приспешники сатаны! – заскрипела зубами Агнес, сжимая кулаки. – Наш дед всю жизнь бо-

ролся с магометанами, врезался на коне в их стадо и рубил до тех пор, пока не уставала рука, а такого с ним не случалось.

– Жаль, что лет двадцать тому назад ему не довелось побывать в Ахене, где случилось тогда омерзительное по своей сути событие, – подхватил Бруно. – Я расскажу о нем. Только что умер глава города, долгое время ему не могли найти замену. Наконец на собрании городских старейшин епископ выдвинул кандидатуру и утвердил ее. Главой города оказался... мусульманин.

– Святая Матерь Божья! – вскричал Ноэль. – Почему епископа не посадили на кол?!

– Некому было это сделать. Король Конрад к тому времени отправился в Рим, где папе Иоанну Девятнадцатому предстояло возложить на его голову корону императора.

– Но ведь епископ Ахена христианин! Как мог он позволить такое? Святой город, столица Карла Великого, колыбель Восточно-Франкского королевства! Ведь Карл воздвиг там монумент в честь павших в кровавых битвах воинов! Туда стекаются паломники, чтобы помолиться праху умерших христиан!

– Этот мусульманин, оказалось, приходился родней епископу по материнской линии, к тому же он, как уверяли, принял христианство. Но вот что из всего этого вышло. В город неожиданно, под видом рабочей силы, стали стекаться сарацины. С каждым днем их становилось все больше, им отдали все рабочие и даже торговые места, отовсюду слышалась

их ужасная, дьявольская речь, куда ни глянь, мелькали их черные головы. К тому же они начали заниматься разбоем. Епископу подали жалобу, но он стал доказывать, что некому строить дороги, мосты, распахивать новые земли. Однако в городе и его окрестностях своей рабочей силы было хоть отбавляй.

Прошло какое-то время, и пришельцы стали плодить детей, таких же грязных и нахальных, как они сами. Число их угрожающе росло. Мусульмане стали строить для себя дома, появились улицы и целые кварталы, где не увидишь христианина и не услышишь родной речи. Дальше – хуже. Этим неверным понадобилось место для молитвы, и епископ приказал возвести мечеть. Но где?! У самой статуи Карла Великого, который нещадно истреблял этих вонючих псов, у монумента погибшим христианам!!!

– Кровь Христова! Смерть ахенскому епископу! – зарычала Агнес, хватаясь за рукоять кинжала у пояса. – Они что же, отец, все еще там, эти тюрбаны? И им воздвигли мечеть?!

– Да, дочь моя, но, благодарение Богу, весть эта дошла до императора Конрада, когда он вернулся в Гослар. А дальше... Боже, упокой душу нашего славного императора и храни жизнь его сыну! – осенил себя крестом епископ. Потом продолжал: – Конрад с войском ворвался в Ахен и первым же делом приказал повесить епископа. Узнав об этом, его ставленник пытался бежать, но его поймали и тут же, на месте, срубили голову. Мечеть сровняли с землей, а всем му-

сульманам император приказал убираться вон из города, дав им два дня. Срок истек, и город очистился от скверны, расцвел, заблестал, вновь явив жителям свой христианский облик и дух. Кое-кто из сарацин, тем не менее, не покинул город. Рассчитывал, видимо, остаться незамеченным. Их ловили и тут же убивали. Так Ахен избавился от неверных, истонных врагов христианства, а императора по всему городу носили на руках, женщины падали перед ним в пыль и плакали, а потом целовали ему руки. И целую неделю в Ахене не умолкал перезвон колоколов всех христианских церквей в память избавления от засилья мусульман.

– До какой же степени надо не любить свой народ, чтобы допустить такое осквернение его святыни! – воскликнул Ноэль. – Это я о епископе, монсеньор. Да и как можно было выдвигать иноземца на место главы города! Разве это не прямое оскорбление самих горожан? А мечеть? Возвести в христианском городе мусульманский храм! За такое преступление следует выкалывать глаза, обрезать уши и носы, отрубать кисти рук и ног, а потом сажать на кол!

– Наш император воздал по заслугам вероотступникам, – ответил Бруно. – Их пример показал иным нерадивым градоначальникам, как следует беречь христианские святыни. Отныне народ будет решать, кому править их городом. Так постановил император, и в этом я вижу указующую длань Христа.

– Слава императору Конраду! – И Агнес, вытащив кин-

жал, поцеловала у него перекладину, символизирующую крест.

– Долгие лета королю Генриху – его сыну и моему брату! – подхватил молодой граф, вытащив свой кинжал.

– Как, Ноэль! – округлил глаза епископ Бруно. – Наш король Генрих твой брат? Как же это? Объясни-ка мне, я должен понять... Но, дети мои, – неожиданно заулыбался он, поднимаясь с дивана, – надо признаться, я допустил оплошность. Вам следует вначале переодеться, умыться с дороги, принять трапезу, а уж потом вести разговоры. С этого и следовало мне начинать. Ну не старый ли я осёл, совсем выжил из ума.

– Этому есть объяснение, монсеньор, – встал на его защиту сын Эда, – ведь вы встретили свою дочь. Какой же нормальный человек после такого потрясения не потеряет рассудок?

– Ты прав, мой мальчик, – обнял его за плечи епископ, – известие и в самом деле ошеломило меня. Но мы тотчас исправим это.

Он схватил со стола колокольчик и позвонил.

Вошел служка, за ним еще один.

– Поручаю вам этих двух благородных рыцарей. Они с дороги. Займитесь ими и делайте все, как они вам прикажут. Их желания – мои желания.

Служки молча поклонились.

– Ступайте, – жестом руки отпустил гостей хозяин дома, –

и, как только отдохнете, поднимайтесь ко мне. Полагаю, нам еще о многом надо переговорить.

И оба рыцаря, отвесив легкий поклон, вышли.

Глава 6. Незнакомка

Утром, после завтрака, оба – брат и сестра – вошли в кабинет епископа. Агнес преобразилась; теперь никто не скажет бы, что перед ним мужчина. На ней блио – женская туника из шелковой ткани, с поясом и короткими рукавами; на голове капор, на ногах кожаные сапожки. Ноэль одет в расшитую золотыми и серебряными нитями тунику.

Епископ ждал их, стоя у окна. Он смотрел туда, где река Мозель брала свое начало – на юго-восток. Там Эльзас и замок Эгисхайм. Возможно, Бруно вспоминал родителей, весьма набожных и образованных людей, но, не исключено, и свое детство. В пятилетнем возрасте его отдали на воспитание тульскому епископу Бертольду. Но это благодаря родственным связям: его отец Гуго по отцу приходился сводным братом последнему Людольфингу¹⁵ и после смерти бездетного короля мог бы претендовать на трон. Но знать не допустила этого. Выбрали короля из Франконкского герцогского дома – Конрада II, положившего начало Салической династии. Так маленький Бруно оказался в Туле, ставшем для него отныне родным домом.

Будучи уже каноником, в 1024 году Бруно был представлен ко двору Конрада, своего кузена, и стал служить в часов-

---

¹⁵ Генрих II Святой, германский король (1002–1024), император с 1014 г., последний из династии Людольфингов.

не при соборе, а после смерти епископа Туля был назначен на его место. Теперь он – глава епархии, с ним считаются, его ценят, перед ним лебезят: еще бы, ведь он двоюродный дядя нынешнего короля!

Одет он так же, как и вчера. Он не баловал себя нарядами, противопоставляя, таким образом, духовное мирскому.

Услышав шаги за спиной, он обернулся. Эгисхайм тут же был забыт.

Дочь подошла и преклонила колено, но Бруно упредил ее, взяв за руку. Легкая краска смущения покрыла щеки Агнес; она улыбнулась. Ноэль хотел припасть к руке, но епископ лишь крепко обнял его за плечи, сказав:

– Всякий возвышающий себя будет унижен, а унижающий себя – возвысится. Не так ли сказал Христос в Нагорной проповеди? Я это к тому, что гордыня есть один из грехов человека. Тот, кто кичится своим величием, впадает в гордыню. Ее должно усмирять, особенно в отношении близких людей. Наше с тобой кровное родство, Ноэль, ничем не доказано, но ты троюродный брат моей дочери, а стало быть, что там ни говори, доводишься мне каким-никаким, а племянником.

– Отец, я так рада! – воскликнула Агнес, сжимая руку епископа. – Вообще, надо признать, в жизни много несправедливостей, одна из них – та, что я до сих пор ничего не знала о тебе. Однако я полагала, что ты попросту не желаешь знать с кем-либо из родственников по причине нелюбимости, обиды или дурного нрава. Теперь я вижу, что ошиба-

лась: мой отец добрейшей души человек, мил и весьма прост. Я рада твоему приему и тому, как ты отозвался о моем брате и друге. Если так, то, верно, ты примешь в нем деятельное участие.

– Охотно, – ответил епископ. – Но объясни сначала, Ноэль, как могло статься, что наш король Генрих оказался твоим братом?

– Двоюродным братом, – поправил его сын Эда и поведал перипетии своей родословной, начиная от короля Конрада Тихого.

Закончив рассказ, он выразил желание ехать в Гослар к королевскому двору. Бруно не удивился:

– Это похвально, что ты мечтаешь свидеться с братом, которого до сих пор не знал. Но не знал и он о тебе. Доставит ли ему такая встреча радость? Не увидит ли в тебе король, человек с властным, крутым нравом, того, кто жаждет по праву рождения предъявить права на трон? В таком случае вместо радушного приема он постарается избавиться от тебя. Тебе это не приходило в голову?

– То же говорил мне отец. Но, во-первых, я не собираюсь становиться королем. Вы верите мне, монсеньор?

– Безусловно, мой мальчик. Твои глаза глядят открыто, в них нет хитрости, они прямодушны и честны. Таким был и твой дед, можешь мне поверить. Но что же во-вторых?

– Вряд ли Генрих обладает характером легендарного короля франков Хлодвига. Человек властный и мнительный,

тот одного за другим устранял своих родичей, видя в каждом из них посягателя на трон. Насколько мне известно, в этом смысле он был единственным из монархов. Что же касается германских королей, то в истории их правления, начиная с Людовика Немецкого, не наблюдалось подобной жестокости. Смею надеяться, нынешний король не выбился из ряда своих предшественников. Во всяком случае, молва хранит об этом молчание, а ведь он на троне уже семь лет.

– Согласен с тобой и решения твоего не могу не одобрить, – кивнул епископ. – Но вот что я хочу тебе сказать, Ноэль, и тоже в двух пунктах. Первое: я отправлюсь с тобой, вернее, с вами, ведь вы поедете вдвоем, насколько я понимаю? – И он поглядел на дочь.

– Отныне я не оставлю своего брата и последую за ним всюду, – с жаром ответила Агнес. – Я сделала бы это, даже если бы ты остался в Туле, отец, пойми меня правильно. Он стал частью меня самой, а я не собираюсь разбрасываться частями своего тела.

– Я отправляюсь в Гослар тоже по двум причинам. Первая: я лично представлю Ноэля королю Генриху, и это будет намного эффективнее, нежели он представится сам. Вторая: мне надлежит переговорить с королем о ситуации в Латеране: христианству угрожает серьезная опасность, папскому беспределу должен быть положен конец. Я давно уже собирался предпринять это путешествие, нынче случай сам идет в руки. Теперь о том, что так же беспокоит меня. Речь пой-

дет о религии, вере во Христа.

Твой дед, Ноэль, был безбожником, думаю, тебе об этом известно. Но не менее страшны и еретики. Если первые не верят ни во что, то вторые исповедуют ложные учения, искажающие текст Ветхого и Нового Завета, называемого Евангелием. И это более опасно, ибо секты еретиков плодятся, уводя христианство в сторону от учения, основанного на истинной вере. Выдвигать свои толкования Священного Писания, в отличие от авторитетных Отцов Церкви, начали гностики, потом ариане. Подумать только, они утверждали, что Сын Божий не равен отцу и не есть истинное божество, ибо имеет иную природу! За ними появились павликиане, евтихиане, багауды¹⁶; каждая секта со своими верованиями, отличными от установленных матерью-Церковью. Не упомнить уже названий ныне существующих еретических сект, они растут, как грибы после дождя. Под «дождем» я подразумеваю тысячный год со дня рождения Христова, когда не произошло всеми ожидаемого конца света.

Ветер подул с востока еще задолго до этого. Тамошние еретики называли Бога злым, а о Христе говорили, что он не богочеловек, а лишь принял образ человека. Византия расправилась с еретиками, но часть их поселилась во Фракии, потом они оказались в болгарском царстве и стали называть себя богомилами. Все эти иноверцы расселились в Италии и

---

¹⁶ Гностики, ариане, павликиане, евтихиане, багауды – члены религиозных сект, взгляды которых на религию разнятся с господствующим учением Церкви.

на юге Франции; оттуда вал за валом накатываются на христианство лжеучения против истинной веры.

– Разве только на юге? – вспомнил Ноэль проповедь священника в замковой капелле. – Я слышал, гностики появились на севере и даже близ Парижа.

– Верно, ростки ереси дали всходы в Орлеане и даже у норманнов, а потом и в Шампани, совсем рядом с нами. Появилась она и у нас, но я не преследую еретиков и не предаю их смерти. Ведь они просто заблудшие овцы, которых я обязан вернуть в стадо. В этом я следую примеру шалонского епископа Рожера, который запрещает заблудшим общение с истинными сынами Церкви, давая им время самим познать истину.

– Откуда же взялась ересь? Как появилась на свет? Что послужило толчком к этому? – полюбопытствовала Агнес.

– Она не родилась сама по себе, вследствие того, например, что прихожане начали сомневаться в каком-либо пункте Священного Писания. Увы, толчком к ереси послужило недовольство Церковью, ее порядком, устройством. Оно возникло еще пару столетий назад и достигло своего максимума перед ожидаемым концом света. Именно в это время в церковной структуре, в поведении слуг Церкви обнаружилась масса зол и вопиющих недостатков. Эти еретики, чего греха таить, подсказали о необходимости реформы Церкви, ее упорядочивания, очищения, о чем раньше попросту умалчивалось.

– Как еретики смотрят на папство? Что говорят о нравственном облике наместника Христа на земле? – спросил Ноэль. – Думаю, им не по нраву образ жизни римских пап.

– Они отвергают авторитет папства. Они подрывают фундамент Церкви, утверждая, что она не нужна: молиться Богу можно и без посредника, обратив взор на небо. Так же можно получить и отпущение грехов. Папство всеми силами пытается бороться с еретическими учениями, но, увы, его отвлекают еще и иные проблемы: борьба с империей не прекращается. Эта борьба и создает слабые участки, сквозь которые веет ветер ереси. Добавьте к этому папские интердикты¹⁷, создающие весьма удобную почву для посева. Вот вам и путь для проникновения всякого вздора.

Ноэль подумал, что неплохо бы высказать свои атеистические взгляды, но это было равносильно тому, что они с епископом станут говорить на разных языках. Не следовало этого делать раньше времени, дабы не произошло нежелательного разрыва между ними. Переглянувшись с сестрой, он убедился, что и она придерживается того же мнения. Однако из всего сказанного хозяином дома он мало что понял, поэтому и перевел разговор на папство, о котором имел уже некоторое представление. Но епископ и сам не желал более распространяться на заданную им самим тему: обсуждение подобного рода вопросов предстояло проводить не здесь и

---

¹⁷ Интердикт – запрещение богослужения в католической церкви, применявшееся в качестве меры наказания.

не с теми собеседниками. Поэтому он сказал:

– То, что еретики подрывают авторитет Церкви, обрушиваясь на незыблемые догмы христианства, есть худшее из зол. Однако римские первосвященники своим образом жизни сами дают пищу огню, который от критики Аристотеля и ложных истолкований библейских текстов переходит к престолу наместника Бога на земле. О еретических учениях мы больше говорить не будем, вам сложно понять все это, но я могу рассказать о том, кто восседал на престоле святого Петра последние несколько десятилетий и как окончил свои дни каждый понтифик. Я уделил этому вопросу немалое внимание, в моем распоряжении была не одна монастырская библиотека. Стыдно о том говорить, но вы узнаете, сколь порочен трон апостола Петра, какие реки крови омывают его. Вот откуда неустройство церковного мира, который стараются сделать чистым и упорядоченным монахи из Ключи. Известно, сначала у рыбы тухнет голова. Эту голову и надобно отсечь, дабы не пропала она вся. За этим и поеду к королю. Ну, а о понтификах расскажу в свое время. В окна льет яркий солнечный свет, поют птицы, одевается зеленью земля – время ли теперь вспоминать о пытках, казнях, ядах и прочем, что выстилает путь к титулу главы вселенской католической церкви? Отдыхайте и веселитесь, дети мои, пока молоды. Отправляйтесь в лес, к реке, побродите по городу, да не опоздайте к мессе. Сегодня я сам, в вашу честь, проведу богослужение в церкви, что рядом с базиликой Святого Ган-

гульта.

И епископ величественным жестом отпустил обоих.

Брат с сестрой вышли из дворца, сели на коней и отправились осматривать город.

Они проезжали по рынкам, любовались фронтонами дворцов и порталами церквей, глядели вдаль на реку Маас, которая угадывалась по густой длинной полосе кустарниковых зарослей на горизонте. Потом долго стояли на набережной у ворот де Мец, глядя на корабли, стоявшие на Мозели близ берега.

После полудня они отправились к мессе. По дороге к церкви брат спросил:

– Не мечтаешь побеседовать с отцом о наставлениях твоей матери?

– К чему? – пожала плечами Агнес. – Он посвятил этому свою жизнь, мои мировоззрения способны нанести ему удар, особенно когда он узнает, что думает о религии аббатиса. Либо он сочтет меня сумасшедшей, либо отлучит от церкви, что хуже всего в наше время. Я не сторонница лжи, но тут придется лукавить. Обрести отца и тут же его потерять! Нет, Ноэль, пусть он думает, что я такая же католичка, как и любой прихожанин.

– Что же ты будешь делать на мессе?

– Благоговейно внимать речам оратора и осенять себя крестным знамением всякий раз, как будет произнесено имя Бога или дьявола. Отец должен видеть нас с тобой среди

паствы.

После окончания мессы, когда они проезжали по одной из улиц, Ноэль обратился к сестре, хмуря лоб:

– Скажи, откуда происходит вера? Античные боги язычников, бог христиан... Почему люди религиозны, что заставляет их верить в то, чего никогда не было и никто не видел? Ты утверждаешь, люди слепы. Как можно ослепить все народы?

Агнес ответила на это:

– Массовый психоз, запугивание, основанное на невежестве – вот что это такое. Однако, в конечном счете, все зависит от человека, его внутреннего состояния. Кто не захочет, не поверит ни во что. Но людская масса темна, к тому же морально труслива, это и заставляет ее обращаться к религии.

– Она просит Бога помочь, ведь он предназначил человеку райскую жизнь и создал его по образцу и подобию своему.

– Вздор! Лишь глупцы верят в то, что их создал Бог. Это люди выдумали Бога, похожего на себя.

– Зачем?

– Чтобы верить. Во что-нибудь. Вот и сочинили Библию.

– Если так, то откуда тогда взялся человек?

– Не знаю, но, во всяком случае, не из глины и не из ребра. Глупость! Но много ли надо грешному созданию, чтобы поверить в эту чушь? Стоит однажды рассказать красивую сказку, а потом пригрозить муками ада за неверие в нее, как человек становится податливее воска; церковь лепит из него

то, что ей требуется. Отчего это происходит? Оттого, что человек не знает законов природы. Они неизвестны и церковникам, но те выдают их за деяния божьи либо в наказание за грехи людей, либо в ответ на дары и молитвы, обращенные к Богу. Весьма удобная позиция, которую необходимо защищать. Отсюда гонения на еретиков и подавление тяги к знаниям у народа. Таким образом, вера в божественное провидение и чудеса, ниспосланные с небес, крепнет в сознании людей, да так, что ее оттуда не выбить.

– Выходит, ты не веришь во все это. Но во что-нибудь ты все же веришь?

– Ни во что.

– Человек не может жить без веры.

– Может, если не слаб духом и умом. Возможно, когда-нибудь и я начну испытывать жажду в утешении, вот тогда и придется обратиться к религии. К тому времени я стану старой и дряхлой. А пока я не вижу, ради чего стоит молиться на иконы, ходить на проповеди и никому не нужные исповеди, придуманные хитрецами. А если кто посмеет указать мне на столь неблагочестивое поведение, горько пожалует об этом: я раздавлю его, как клопа.

– Наш дед гордился бы тобой, Агнес.

– И я буду достойной этого, Ноэль.

– Я тоже, сестра!

Внезапно Агнес сжала губы, нахмурилась и с подозрением огляделась по сторонам. Обернулась, поискала кого-то гла-

зами. Встретив вопросительный взгляд брата, пояснила:

– Мне все кажется, будто за нами следят. Чьи-то глаза неотступно буравят нас, а уши улавливают нашу беседу. Что скажешь на это?

– Женщины более эмоциональны, поэтому им всегда невесело что кажется. Что касается меня, то, во-первых, я ничего не заметил, а во-вторых, увидел харчевню прямо на нашем пути. Не хочется возвращаться во дворец и садиться за стол с казенным обедом и дежурными фразами. Где еще побеседовать по душам, как не здесь? Во всяком случае, тут нет слуг и некому перед тобой лебезить, а трактирщику вряд ли придет охота заглядывать тебе в рот. Словом, непринужденная обстановка – лучшее, что можно вообразить.

И Ноэль указал на двухэтажный дом с вывеской, на которой охотник нацелился стрелой в большого синего зайца, поднявшего лапы.

Сытно пообедав, оба встали из-за стола. Агнес вышла, а Ноэль задержался: ему вздумалось поинтересоваться у трактирщика, по случаю какого праздника их город столь наряден и чисто вымыт. Атмосфера других городов, в которых он побывал, не вселяла особой жизнерадостности.

Агнес это совершенно не трогало, и она, вскочив в седло, стала ждать брата на улице. И тут ей снова показалось, будто кто-то незримый присутствует рядом и пристально смотрит на нее, причем сзади и вполне открыто, не прячась. Положив руку на рукоять меча, она стремительно обернулась

и от неожиданности даже привстала в седле. У крупа коня, левее, стояла преклонных уже лет женщина, похожая на нищенку. На ней было рубище, как на монахах, на голове капюшон, скрывающий лоб и часть лица. Но не глаза. Они были устремлены на всадницу.

– В чем дело, любезная? – спросила Агнес, грозно глядя на незнакомку сверху вниз. – Отчего ты следишь за мной, а теперь подходишь так близко, словно тебе есть что сказать мне, причем весьма важное. Говори же, если так.

Но старуха молчала, только с любопытством глядела на высокородную госпожу верхом на лошади, разглядывая ее с головы до ног. Все же она пыталась что-то произнести, это было заметно, но не решалась то ли из боязни, то ли не находя слов. Глаза ее искрились надеждой, она по-прежнему не сводила их с всадницы, и та, догадавшись, протянула ей золотую монету.

– Возьми, ведь ты нищенка, как я понимаю. Чего же молчишь тогда? Так и без куска хлеба останешься.

– Прости меня, вельможная госпожа, – не кланяясь и подходя еще ближе, с легким акцентом проговорила, наконец, незнакомка, – но не это мне от тебя нужно.

– Не это? – удивилась Агнес. – Что же тогда? Ведь я вижу, ты хочешь о чем-то попросить, но не решаешься. Уж больно робка для нищей. Впрочем, кажется, ты не из этого стада, если не берешь монету.

– Я не нищая, – ответила старуха голосом, в котором по-

слышались нотки оскорбленного самолюбия, – и если я подошла к тебе, то вовсе не за тем, чтобы вымолить подаяние.

– Чего же тебе надо?

– Спросить хочу. Не сердись, когда задам свой вопрос. Поверь, это не из праздного любопытства. Словом... – ее голос неожиданно приобрел оттенок мольбы, – ответь, госпожа, коли не сочтешь это для себя слишком затруднительным, кто тот господин, что приехал с тобой, чью лошадь ты держишь за узду? Христом Богом молю тебя!..

– Спрашиваешь, кто он? – Агнес усмехнулась и ответила громко, не без гордости: – Мой брат!

– Похоже... очень, – согласилась женщина, виновато улыбнувшись и неожиданно промокнув платком уголки глаз. И быстро спросила еще, словно боясь, что ее больше не станут слушать: – А как его имя, не скажешь ли?..

– Вот еще, зачем тебе это? – передернула плечами всадница. – Сказано: брат – и всё тут.

– Не хочешь говорить, – тихо и печально протянула старуха, опуская голову. Потом встрепенулась: – Тогда ты сама... Не обессудь и не брани, но скажи, молю тебя, свое имя! Прости, что спрашиваю. Поверь, коли так, стало быть, очень надо мне...

– Я Агнес Регенсбургская, дочь Бригитты Баварской. Устраивает тебя?

Взгляд у незнакомки потух, едва она услышала это, пополз вниз, скользнул по бульжной мостовой и уперся в нос-

ки ее стоптанных башмаков. Потом, помедлив немного и вдруг, решившись, точно какая-то спасительная мысль внезапно пришла ей в голову, она с надеждой спросила:

– А брата твоего зовут случаем не...

Но не успела досказать: двери трактира раскрылись, и оттуда вышел Ноэль.

– Они ожидают приезда герцога Лотарингского, – объявил он, вскакывая в седло. – Туль, оказывается, его резиденция, любимое место отдыха; он любит охотиться в этих местах. А жителей предупредил гонец через городского старшину.

– Когда же он нагрянет сюда со свитой?

– Ждут к завтрашнему дню. Он им нравится: не тиран, налоги вполне умеренные... Но что это? – Взгляд Ноэля остановился на ладони сестры. – Отчего тебе вздумалось держать в руке монету?

Агнес обернулась, посмотрела по сторонам.

Незнакомка исчезла, словно ее тут никогда и не было.

Агнес хмыкнула, взгляд ее выражал недоумение.

– Представь, здесь только что стояла какая-то старуха. И вот теперь ее нет, как сквозь землю провалилась. Я хотела дать ей монету, а она вместо этого пожелала узнать твое имя.

Ноэль в ответ рассмеялся и тронул коня, но внезапно сильно натянул поводья. Конь встал, затряс головой.

– Агнес! – возбужденно воскликнул брат. – А как выглядела эта старуха? И куда она могла подеваться? Говоришь, она спрашивала мое имя? Но зачем? И что она сказала в от-

вет?..

– Ничего, потому что я назвала ей только себя. Кажется, это ее очень расстроило. Но отчего ты спрашиваешь? Что тебе в этой старухе?

Ноэль долго глядел на гостиницу и дома по обе стороны улицы. Мимо них в обе стороны сновали прохожие, каждые по своим делам. Он пытливо вглядывался в их лица, особенно женские, но читал на них только недоумение, вызванное непонятым интересом к ним неизвестного всадника. Он спросил сестру, не видит ли она на улице этой старой женщины или, возможно, кого-то очень похожего на нее. Но Агнес, снова поглядев по сторонам, пожала плечами.

– А впрочем, – задумчиво, с печальной улыбкой произнес Ноэль и легко тронул коня, – вряд ли это возможно. И если тебе это не показалось, то незнакомка попросту ошиблась. Может быть даже, она рассчитывала предложить свои услуги в качестве сводни одной из скучающих фей этого города.

– Не обольщайся. Клянусь, у нее на уме было совсем иное. Так не ведут себя сводни.

– Но и того, о чем я подумал, не может быть. Откуда ей здесь взяться, ведь она родом из Лана.

– О ком ты?

– О моей матери.

– Ах, черт возьми, я совсем об этом забыла! – воскликнула Агнес. – Прости, Ноэль! Мне надо было задержать эту женщину. Что если она и есть...

– Пустяки, – махнул рукой брат. – Мне показалось. Да и тебе тоже. Моя мать так стара, что едва ли уже ходит сама. Если жива еще.

– Случись ваша встреча, ты, вероятно, не узнаешь ее. Узнает ли она тебя? Как догадается, что ты ее сын?

– Придя со мной в замок, она указала отцу на большое родимое пятно у меня на плече и сказала, что меня уже ни с кем не спутаешь. Под ним ожог и три белых пятна – следы от зубов. В детстве на меня однажды набросилась собака. Я упал, и она укусила меня за руку. Ее отогнали, рану залечили, а след от зубов остался.

– Хороша примета под туникой и кольчугой! Чтобы быть признанным, тебе придется обнажиться по пояс.

– Да, и только один раз. На плечо взглянет женщина, которая до этого в точности назовет приметы.

– Думаю, тогда тебе не придется раздеваться. Но ты сказал, она из Лана? Почему же не едешь туда?

– Потому что ее там нет. Отец наводил справки.

– Где же она может быть?

Помедлив, Ноэль с грустью ответил, указав рукой вниз:

– Вероятно, там, где будем и мы с тобой через много лет.

– Быть может все же, эта женщина, что подходила, и была твоей матерью? Что, если нам немедленно начать поиски? Она не могла далеко уйти.

– Нет, Агнес. Будь так, она тотчас открылась бы тебе и не исчезла бы, едва увидев меня.

Глава 7. Перед отъездом

После того, как прибыл гонец из Гослара, которого он посылал туда, епископ приказал собираться в дорогу. Ему не терпелось указать королю на недопустимость нынешнего положения дел в церкви, к чему призывали клюнийцы и о чем без усталости вешали с кафедр монахи Гильдебранд¹⁸ и его горячий сторонник Дамиани. Их проповеди и воззвания вселяли, однако, и надежду, и страх. Чего хотели клюнийцы? Создать мощную церковную организацию с высокой дисциплиной и папой во главе ее. Запретить симонию¹⁹, подрывающую авторитет церкви. В самом деле, что ни епископ или аббат – то светское лицо, купившее эту должность или получившее как феодал от короля. И озабочено это лицо отнюдь не благочестием паствы; на уме у него охота, войны, оргии и открытый грабеж соседних угодий. А монахи? В их среде царит откровенная распущенность, они по большей части невежественны, а порою и вовсе неграмотны. Чему может научить прихожан

---

¹⁸ Гильдебранд (1017–1072) – бывший монах, затем папский легат. Видный деятель Клюнийской реформы. Добивался верховенства церковной власти над светской. Религиозный фанатик. Став папой Григорием VII, запретил симонию, ввел celibat (безбрачие духовенства). После отказа Генриха IV от инвеституры отлучил его от церкви.

¹⁹ Симония – так называли клюнийцы продажу церковных должностей. Под это понятие они подводили и инвеституру, т. е. при пожаловании феодала и сана с епископов взимались деньги.

такой монах, если сам не знает слова Божия? И клюнийцы призывали: повсеместно строить монастырские школы. Главную же опасность, по их мнению, представляла инвестиатура – продажа духовных должностей вместе с земельными владениями.

Сидя в кресле с высокой спинкой и глядя, как невдалеке у стены собаки дерутся из-за костей, епископ Бруно Дагсбургский размышлял. Симония была выгодна королевской власти, это ее опора. Те, кому продана или пожалована должность и земля – верные вассалы трона. Их хозяин – король, а папа – всего лишь один из них, ему они не подчиняются. Клюнийцы восстали против этого обычая, идущего от Генриха Птицелова. Никакой симонии; назначать на духовные должности имеет право только папа, ему же обязаны подчиняться все: кардиналы, епископы, аббаты. Но это с одной стороны. С другой – если смотреть на дело с этой точки зрения, королевской власти грозит удар. Еще бы, ведь король лишается всех церковных владений, а они отнюдь не малы: треть земельного фонда государства! А белое духовенство попросту становится независимым от короля, лишь от папы. Становилось неизбежным столкновение двух титанов – папства и Империи.

Бруно глядел в угол комнаты, где по-прежнему рычали друг на друга псы. Вот они – тех двое и этих тоже, а кость, за которую они грызутся – власть в империи, а потом в Европе. И снова на уме бургундские монахи из Ключи. Многие госу-

дари все же поддерживали их реформу: церковь крепнет, а значит, укрепляется и королевская власть.

Епископ тяжело вздохнул, нахмурился: как посмотрит на дело Генрих Черный, король, без пяти минут император?.. Кто даст ему эту высшую власть? Папа. Для этого король должен ехать в Рим. Но какой же из пап? Есть ли среди них законный, настоящий? Ни одного. Марионетки в руках местных феодалов. Кто из них увенчает голову сына короной отца? Ответ очевиден: ставленник самого короля. Генрих знает это и выберет папу из местной знати, которая подчинена ему. Но это значит – отказ от реформы, борьба с ней, прежний консервативный подход, в основе которого все та же инвеститура. Почему бы и нет? Разве он, король, не может продать престол апостола Петра, как это делают сами папы в Риме, пуская трон с негласных торгов? Этот папа будет умнее своих предшественников. Поддерживать и укреплять королевскую власть – вот его задача. Другая сторона медали не менее важна: монархия – гигант, способный защитить Церковь от разбойных феодалов и выступлений крестьян.

Епископ покачал головой: та же симония и снова к обоюдной выгоде. Разница в том, что покупатель не платит деньги, а получает дар. Но если раньше король дарением или продажей феода приобретал всего лишь одного вассала, то теперь его вассалом становилась вся Церковь, весь колосс! Значит, Генрих поедет в Рим. Две выгоды у него. Первая: новый папа даст ему титул императора. Вторая: папский престол пе-

рестанет быть игрушкой в руках богачей, предметом купли-продажи с аукциона. Ну, а дальше?.. Но к чему заглядывать далеко в будущее? Пока довольно и того, что прекратится постыдный торг, роняющий моральный престиж Церкви.

Решив, наконец, для себя этот вопрос, Бруно поднялся с места, сделал несколько шагов к двери и вдруг остановился, пораженный неожиданной мыслью. Что сделал бы он сам, став папой? На миг ему даже стало трудно дышать. Воображение бросало его из одной крайности в другую, глаза возбужденно бегали с предмета на предмет; картина мирового господства заставила его выпятить грудь и высоко поднять голову. А с губ слетело волнуемое, рвущее душу, затаенное в мечтах:

– Духовная власть выше светской! Папа, как наместник Бога – судья императоров и королей! Выборы папы – без вмешательства Германии и феодалов Папской области; совет кардиналов – вот высший орган избрания! Но для этого – морально уничтожить императора, сделать его слабым, лишить всего!..

Постояв еще немного в раздумье, словно упиваясь этой минутой торжества Церкви и всей его жизни, епископ сразу осунулся и, опустив голову, вновь побрел к дверям. Шагая, думал: не просто будет стать папой, даже несмотря на то, что он оказал когда-то важные услуги королю Конраду и его сыну Генриху. Для последнего он всего лишь двоюродный дядя. А на место папы найдется кандидат: среди епископов у

короля много друзей, его ленников.

Он уже взялся за ручку двери, собираясь потянуть ее на себя, и вдруг снова замер, уставившись на эту ручку, словно прочел на ней что-то очень важное. Странно, отчего это все мысли крутятся вокруг папского трона, ни одна не вильнет в сторону? Поинтересоваться бы, к примеру, где дочь... Но епископ стоял, будто его приковали к двери, и читал, как пророк Даниил, начертанное на ручке Валтасарово пророчество. Хорошо, что не его выберут папой. Он даже будет всячески противиться, если об этом пойдет речь. Хитрость невелика: новому понтифику не прожить и полгода. Отравят, убьют или задушат. Кто? Те авантюристы, что роem выются вокруг его трона. Им стоит лишь дожждаться, когда король уедет домой. Вряд ли он снова вернется, получив скорбное известие. Пройти всю страну и перевалить через Альпы – не по тропинке прошагать к ближайшему колодцу. А новый папа не скоро найдется: святые отцы не глупы, задумаются. За это время убийца может многое успеть. А потом докажи – он или кто иной? А на трон сел, так потому, что тот оказался свободен.

Подумав так, Бруно облегченно вздохнул, улыбнулся и вышел из кабинета.

* * *

Сборы были недолгими; охрана – двадцать всадников.

Они в кожаных куртках с медными бляхами, на головах шлемы с пластиной, защищающей нос, на ногах у некоторых металлические чулки, руки в перчатках. Те, кто познатнее, надевали под куртку кольчугу. Каждый вооружен мечом, копьем и топором.

Епископ восседал верхом на муле, его вооружение составляла лишь палица – необходимый атрибут. По статусу лицам духовного звания запрещалось проливать кровь, поэтому они не брали с собой ни меча, ни даже кинжала. Палицу – из дерева, обитую железом – можно и даже нужно.

Место епископа – позади повозки, в которой еда, шатер, теплая одежда, постель: путь неблизкий, как знать, доведется ли заночевать в монастыре или в городе. Что, если в дороге застанет дождь? На этот случай везли палатки.

Впереди повозки четверо всадников попарно, друг за другом, а за епископом – монахи, клирики, викарий, остальные воины, за ними конюхи в желтых колетах и перевитой ремнями обуви и еще кое-кто из прислуги.

Бруно пожелал по левую руку видеть Ноэля, по правую – Агнес. Она одета как рыцарь, не подумаешь, что женщина.

Оруженосец с копьями и шлемами, тяжело вздыхая, тащился позади хозяина. Благодарил Пресвятую Деву, что брат с сестрой избавили его от щитов; те были огромных размеров, защищали все тело.

Весь путь поделили надвое: первую половину предстояло плыть вниз по течению Мозели, для этого у пристани стоя-

ло наготове судно. От Кобленца до Гослара – уже на лоша-
дях: здесь нет водных путей; единственная речка, впадающая
в Рейн в этом месте, несудоходна, мелка.

Рано утром выехали из ворот де Мец и направились к на-
бережной. Здесь, на глубоком месте, стоял корабль с переки-
нутыми на берег длинными сходнями. По ним и стали пере-
правляться на судно путешественники, ведя коней в поводу.

Близ портовой таверны, в тени вяза стоял какой-то чело-
век и неотрывно наблюдал за посадкой. Глаза его возбуж-
денно бегали по сторонам, точно пытаясь кого-то отыскать
в людской толчее. Наконец, они остановились на двух фигу-
рах, самых крупных из всех, да так и застыли на них до то-
го момента, пока обе эти фигуры не исчезли с глаз на борту
корабля. Когда подняли якорь и, отдав швартовы, отчалили
от берега, тот, кто стоял у вяза, поднес к глазам платок. И не
отнимал его от лица до тех пор, пока судно не скрылось из
виду на излучине.

Рядом с таверной двухэтажный дом. У дверей стояли двое
мужчин и глядели на женщину с платком в руке.

– Гляди, кум, – сказал один другому, – опять эта старуха.
Сама не знает, что ищет. Бродит из города в город, спраши-
вает о каком-то Эде, сыне герцога Германа. А о таком тут и
не слыхивал никто. Наверное, она не там ищет. Да и зачем
он ей? Ведь сын герцога! А кто она? Какая-то побирушка,
вся в лохмотьях.

– Не скажи, кум, – возразил на это другой горожанин. –

Не простая это старуха, слухи о ней ползут отовсюду. Уж не знаю, чего она ищет в этих землях, только говорят люди, руки у нее золотые, а сердце доброе. Многих из могилы подняла, страшными недугами мучились.

– Что же за недуги такие?

– Лихорадка, к примеру. Жар у человека, болит тело, мечется на ложе, а сам в бреду, сознанием не владеет. А она подходит, поит его какими-то настоями, читает молитвы или заклинания, уж не знаю что, только человек, глядишь, к утру уже здоров. Девицы к ней обращаются, как правило, поутру, после веселой ночи. Она дает им какие-то отвары – и нежелательного плода след простыл. Кроме того, гадает по руке, легко читает книги и пишет. Так говорят люди из других городов, где ее видели.

– Верно, знахарка, к тому же умна.

– А однажды она спасла мальчишку лет шести. Мать полоскала белье в реке, а он отошел от нее, да, как на грех, далеко. Стал взбираться на кручу, земля под ним и съехала, да прямо в воду вместе с этим малышом. Глубоко там было, он успел только крикнуть «мама-а...», побарахтался чуть, да и пошел камнем ко дну. И только это случилось, как кто-то прыгнул с моста в реку. Оказалось, эта женщина. Стояла на мосту и глядела себе вдаль. Чистая случайность, что она там оказалась. Вытащила мальчонку, а тут подбежала мать. Волосы на себе рвет: сынок-то ее без признаков жизни. А эта старуха взяла да и перевернула его на живот. Вода с него так

и хлынула. А потом она заставила его дышать. Когда ребенок открыл глаза, мать бросилась целовать ноги этой женщине. А та с горькой улыбкой ответила ей:

«Не меня благодари».

«Кого же»? – не поняла мать.

И тогда старуха сказала ей, да так, что та ничего и не поняла:

«Одного нормандского рыцаря, который пришел однажды на землю франков»²⁰.

Повернулась и ушла.

– Ты-то откуда знаешь? Уж не сам ли там был?

– Эта мать сама и рассказывала. Много людей слушало ее.

Они знали, о ком она говорит.

– Похоже, кум, у этой женщины нет дома. Отчего тогда она странствует?

– Должно быть, так и есть, – вздохнул собеседник. – Мало ли горя на земле.

– А как ее зовут, не знаешь ли?

– Вия.

---

²⁰ См. книгу «Нормандский гость».

Глава 8. Гослар

Через несколько дней прибыли в Кобленц, что стоит у слияния Мозели и Рейна. Сошли на берег, заняли каждый свое место и, благословясь, отправились дальше. Путь неблизкий, больше тысячи стадий.

Первый большой город, где намечено было остановиться на ночлег – Вецлар. Но до него не доехали, решили заночевать в аббатстве. Не успели сгуститься сумерки, как сюда, неведомо как прознав о тульском епископе, стали стекаться желающие получить благословение – богомольцы, странники и крестьяне. Епископа уважали. Даже здесь, во Франконии, знали, что граф Бруно Дагсбургский родственник короля. Событие послужило причиной толков: гадали, что заставило его преосвященство покинуть свою епархию и оказаться так далеко. Наконец дознались: прелат направляется в Гослар, где пребывает королевский двор в только что отстроенном дворце. И снова на лицах читалось недоумение: какова цель путешествия? Не начинается ли война? Не пойдет ли речь о каких-нибудь важных переменах? Не восстали ли жители Туля, выгнав главу города, отчего тот и помчался искать помощи у своего племянника?

Так ничего и не решив, жители окрестных деревень, поутру проводив глазами епископский поезд, вернулись к повседневным делам. И два рыцаря, с наступлением темноты

попросившие приюта в аббатстве, простившись, тоже отправились куда-то на северо-запад, к Кёльну, гонимые нуждой и безысходностью. Долго глядели им вслед брат с сестрой. Бросив на них взгляд, Бруно, покачиваясь в седле, проговорил:

– Много странствующих рыцарей бродят по дорогам Европы. А ведь когда-то они жили в замках и были вассалами своего сеньора. Но, по-видимому, многие обязательства ими не выполнялись. Например, кто-то из них отказался оказать сеньору денежную помощь, когда тот попал в затруднение. Другой не стал держать гарнизон сюзерена в своем замке. Третий не пошел на войну по зову сеньора или не захотел выкупать его из плена. Таких вассалов вызывают на суд пэров и лишают феода, а договор о вассальном подчинении объявляют расторгнутым. Но виновный, как правило, не желает уходить с земли, и тогда сеньор идет на него войной, срывает его замок, а самого выгоняет. Да вот, смотрите, – епископ указал рукой вправо на вершину холма, где виднелись развалины, – разрушенный замок. Так местный граф расправляется с нарушившим присягу. Может быть, правда, здесь побывал сам герцог или король.

– А вокруг разоренные и сожженные деревни, голые поля, которые некому засеять, – подхватила дочь аббатисы, оглядывая местность окрест. – Жаль крестьян, бедняги. Бароны воюют, а страдают они. Но куда же они подевались? Ведь им надо на что-то жить.

– Ушли к другому господину или подались в леса, – ответил Ноэль. – Отец рассказывал, в их среде немало ремесленников; иные странствуют, но многие идут в город и остаются там. Тачают обувь, изготавливают оружие и предметы домашней утвари, ткуют ковры, выделывают шкуры, шьют одежду. Их охотно принимают, и они объединяются в цеха. Живут такие люди в одном месте, и улицы, вдоль которых они расселяются, называются согласно их ремеслу: Ткацкая, Бочарная, Столярная и другие. Такие улицы мы встречали в Страсбурге, Меце и Туле.

– Однако их немного, основную массу трудового населения составляют крестьяне, – вновь продолжал Бруно. – Часто они бегут со своей земли не потому, что соседний барон, отчаявшись захватить замок, сжег их деревню и увел скот. Тяжелые условия жизни и нещадная эксплуатация господами доводят их до этого. Ведь они крепостные, а значит, в отличие от свободных, несут бесконечные повинности. Чем больше ртов в семье крестьянина, тем большим налогом он облагается. Вступая в брак, он вновь платит пошлину, причем немалую. При наследовании земли надо снова платить. Но все это не так часто. Страшнее другое. Сеньор облагает крестьянина в любое время и каким угодно налогом, называемым произвольной тальей. Что перед этим плата за вступление в брак или обязанность держателя земли идти со своим сеньором на войну!

– Бедный крестьянин, – вздохнула Агнес. – И ведь нико-

му не пожалуешься. Наверное, истово молятся Богу, чтобы покарал ненавистных господ.

– Так и обстоит дело, – подтвердил епископ, – ведь к старым повинностям сеньор без конца добавляет новые. Он не ограничивается тем, что умножает поборы с вина, скота, птицы, покоса, зерна, а вводит новые подати, например, на выжимание сока из винограда, что растет на участке крестьянина. Я уже не говорю, сколько вытягивает господин из своего крепостного за помол зерна и выпечку хлеба.

– От такой жизни уйдешь, куда глаза глядят, – резюмировал сын Эда. – Наверное, так и происходит? – обратился он к епископу.

– Именно так, – кивнул тот. – Потом они останавливаются в каком-либо месте, желательно ближе к городу, и начинают выкорчевывать леса. Получается большое поле. Они засевают его. Но у каждой земли есть свой хозяин. Узнав о новом поселении на землях, которые не приносили раньше никакого дохода, бароны берут под свою опеку беглых крестьян. Оброк, правда, они тоже устанавливают, но совсем небольшой, как правило, продуктами. Франки называют таких крестьян госпитами. Эти госпиты нередко прибывают в окрестности Туля как со стороны франков, так и с германских земель. Я охотно принимаю их, и они безумно рады невысокому налогу и тому, что находятся под защитой городских стен. Каждое утро они везут в город продукты, которые обменивают или продают. Возвращаются в свои дома с новой

одеждой, обувью или другими товарами, которые покупают у ремесленников. Таким образом, друзья мои, – широко улыбнулся епископ, – город Туль процветает, и его окружает столь большое число деревень, что им не видно конца с самой высокой сторожевой башни, где висят набатные колокола. Отсюда делаю для себя важный вывод: хочешь жить богато – не скупись, дай и людям, окружающим тебя, жить хорошо, они воздадут тебе за твою доброту сторицей.

На этом разговор закончился. Солнце палило немилосердно, и решено было переждать жару у Лана, правого притока Рейна. Заночевали в Вецларе, потом у самой границы Саксонии переправились на пароме через Везер. Здесь путешественникам повстречался странствующий монах в темной рясе. За плечами у него висела котомка с носильными вещами, в руке он держал посох. Увидев епископа, подошел, низко склонился, поцеловал руку.

– Издалека идешь? – спросил Бруно.

– Хожу по городам, проповедую слово Божие, – смиренно ответил монах.

– Не боишься лихих людей? Немало их бродит окрест в поисках добычи.

– Кто посмеет напасть на бедного инока, слугу Господа? А случись так – посох в руке у меня, что ни говори – оружие. Святые апостолы, спутники Христа, ходили по земле с посохом, а ведь мы, монахи, суть те же апостолы, коли проповедуем слово Христово.

– И будете вознаграждены за это в жизни вечной, – осенил инока крестом епископ. Затем спросил: – Далеко ли направляешься нынче? Вижу, нам по пути.

– В Гослар, ваше преподобие. Там моя обитель.

– А ну, приятель, расскажи об этом городе, – подъехав ближе, вмешалась в беседу Агнес. – Говорят, король нынче там?

Епископ бросил укоризненный взгляд на дочь и покачал головой. Потом, поймав взгляд случайного попутчика, милостиво кивнул:

– Говори. Вот мул, садись в седло. Негоже нам, верховым, слушать тебя пешего.

Путник ответил на это:

– Монах привык странствовать пешком, мул не для него. Но коли предлагают, ему дозволено сесть на осла. Сам Иисус въехал на осле в Иерусалим.

Бруно, улыбнувшись, велел подвести к нему одного из ослов, которых вели в поводу его слуги.

– Город совсем мал, – начал монах, устремив взор в сторону гор, куда они направлялись, – лежит у подножья массива, он называется Харц. С гор течет речка, русло ее прямо посреди города. Вода ее прозрачна, как янтарь, и сладка, как виноградный сок. Немногие, однако, посещают эти места. Здесь не увидишь ни одной повозки купцов и редко когда встретишь жителя одной из деревень: южнее города нет торговых путей, да и рек других тоже, кроме этой, которая

несет свои воды на север, к морю.

– Как же так вышло, что король поселился в этом богом забытом краю? – поинтересовалась Агнес.

– Потерпи, сеньор рыцарь, скоро ты все узнаешь, – бросил на нее благосклонный взгляд монах. И продолжал: – Этот городок, который ты называешь забытым краем, по правде, богаче любого из тех городов, где ты, вероятно, уже побывал. История Гослара началась не так давно. Немногим больше века тому назад при Генрихе Птицелове здесь поселились крепостные крестьяне, бежавшие от своих господ. Сюда никто не захаживал, и жили они себе мирно до той поры, пока однажды волею случая здесь не проехал император Оттон со своими придворными. Увидев деревню, он остановился, а один из его слуг отправился по окрестностям в поисках пищи. И вот, подъехав к горам с луком в руке, он увидел горную лань. Она стояла на выступе скалы и гордо глядела на всадника, недоумевая, что ему здесь надо. Но едва он натянул тетиву лука, как лань бросилась наутек. Всадник дал шпоры скакуну, но конь его неожиданно заупрямился. Сколько рыцарь ни бился – конь ни с места; стоит себе и копытом бьет землю. Только звук какой-то странный при этом, будто не земля внизу, а металл. Подивился всадник, опустил на колени, да и поднял с земли кусок тяжелого белого камня, что конь выбил копытом. С этим камнем и вернулся обратно. Товарищи его вместе с императором накинулись на него, вопрошая, где же добыча, а он, опустив голову, рассказал им о

своей неудачной охоте и о том, как его конь не пожелал преследовать лань. А потом показал тот камень, что подобрал. Император подозвал казначея, которого повсюду возил с собой, и спросил его, не знает ли он, что это за порода. Тот взял этот камень в руки, тотчас изменился в лице, затрясся весь и обратился к всаднику:

«Есть ли там еще такие камни? Много ли их?»

«Вся земля горит серебром в этом месте» – ответил ему тот.

«Это и есть серебро! – вскричал казначей. – Быть здесь городу, государь, и потекут отсюда деньги рекой в казну государства!»

И повелел император построить здесь имперский город, который стал самым богатым, богаче даже Ахена и Кёльна, поскольку кроме огромной серебряной жилы, здесь обнаружили залежи медной, железной и других руд.

Надо сказать, германские императоры часто объезжали территории для утверждения своей власти над подданными, и имели резиденции, где останавливались со свитой. Генриху Святому для этой цели служил Верл, но, видя, что Гослар на глазах превращается в процветающий и зажиточный город, государь перенес свою резиденцию туда. Еще бы, жить рядом с серебряными рудниками! С тех пор преемники Генриха подолгу живут здесь, бывает, что и годами. Отец нашего короля Конрад велел выстроить в городе самые красивые дома, какие и вообразить себе невозможно. Генрих Черный

продолжает его дело, возводя новые здания, церкви и часовни. По красоте и величию с сими храмами божьими не сравнится ни один. Берусь смело утверждать это, поскольку побывал во многих городах. Сообщение же с Госларом происходит только через северные, западные и восточные ворота. Именно отсюда идут дороги, и здесь всегдалюдно.

– Где же обитает сам король? – спросил Ноэль. – Ведь ему подобает жить во дворце. А его двор? Дворец должен быть огромным, как в Ахене.

– Так оно и есть, рыцарь, – ответил на это монах, – только дворец в Госларе шире и красивее. Сам король велел возвести его, для этого позвал лучших мастеров. Его начали строить тому уже пять лет, и ныне он готов к приему гостей. Король переехал туда со всем двором, а строители начали добавлять пристройки – павильон, часовню и казармы для солдат. Скоро вы увидите этот дворец – чудо творения рук человеческих, свершенное волею небес. Уста немеют при взгляде на диво дивное, одобренное государем и освященное святыми отцами города. И, едва возвели это чудо, как город стали называть «домашним очагом» немецких королей.

Монах не обманул. Едва кавалькада миновала южные ворота города, обнесенного каменной стеной, как взорам путников предстали в большинстве своем двухэтажные дома – ровные, однотипные, с украшенными фасадами, сверкающие на солнце, будто жемчужины на нитке. Повсюду, куда ни кинь взгляд, – башни, колокольни. Шпилей почти нет. Го-

слар, как и все города в XI столетии, строился в романском стиле. Однако готика, пока еще робко, но уже шла в наступление.

Вскоре показалась речка, о которой говорил монах, через нее были перекинута мосты. Вот церковь святого Якоба – приземистая, с коротким нефом, расписанная красочными узорами. По фасаду стоят рядами фигуры святых, над порталом – Богоматерь с младенцем в обрамлении из дубовых листьев. Дальше высокий дом с выступающими один над другим этажами, за ним особняк с башенками и ряд домов, упирающийся в рыночную площадь с фонтаном. За этой площадью, в конце Мельничной улицы, кавалькада остановилась. Но не у монастыря, он остался левее, и монах, простившись, давно уже ушел туда. Перед путниками раскинулся вширь королевский дворец, подобно которому никому из них не приходилось видеть.

Здание поражало своей массивностью и великолепием. С первого взгляда на него казалось, будто в середине – тело грозного орла; портал – его голова с клювом, а по бокам – огромные крылья, которые он опустил навсегда, не в силах больше их поднять. По всему фасаду дворца тянулась галерея с арочными дугами, опирающимися на резные капители колонн с каннелюрами, что придавало зданию, наравне с орлом, вид аббатства. Главный вход был оформлен в виде двух далеко выступающих вперед каменных стен, между которыми в глубине чернели ворота. Над ними портал из двух

рядов колонн с арками, друг над другом. Отсюда в обе стороны идут два крыла: левое – в сторону церкви с колокольной и арочным проходом, и правое, ведущее к парковому ансамблю.

Епископ послал доложить о себе. Ожидая ответа, обернулся к Агнес:

– Как тебе это чудо у подножья Харца, дочь?

– Похож на орла. Вылитый царь птиц.

– Скоро этот орел взлетит. Добыча далеко, но я укажу ему направление. Эти когти вырвут скверну из тела Церкви, тем самым исцелив его.

– Полетим и мы вместе с орлом, – прибавил Ноэль.

– Непременно, брат!

– Как! Вы оба отправитесь в Рим вместе с королем?

– Помощь никогда не бывает лишней, тем более, от своего брата. Полагаю, король будет только рад этому.

– Но ведь вы даже не знакомы! Как можно быть столь уверенным?

– Надеюсь, монсеньор, вы дадите государю добрую рекомендацию. Успеху дела послужит и то, что Генрих одинок, если не считать супруги и ребенка. Обе его сестры умерли, так что из всех родственников у него остались я, Агнес и его дядя. И хотя в жилах хозяина этого дворца нет нормандской крови, думаю, он окажет нам радушный прием и не сочтет нас узурпаторами. Я говорю это, прекрасно зная, что король вспыльчив и у него крутой нрав.

– Бывает, – согласился епископ, – если стать ему поперек дороги или ослушаться его приказаний. Но, в общем, он неплохой человек и даже веселый. Вы не раз убедитесь в этом. При общении с ним избегайте трех вещей, которых король не терпит. Впрочем, узнав вас обоих, могу с уверенностью сказать, что вам это не грозит.

– Что же это за три вещи, отец?

– Король не любит, когда ему или кому-либо в его присутствии льстят, лукавят и угождают.

– Тактика вонючих псов! – воскликнула Агнес, поднимая лошадь на дыбы. – Наш дед таких презирал, и мне нравится, что хотя бы в этом Генрих Черный похож на него.

– А что ты скажешь ему про свой пол? – обеспокоенно спросил епископ. – Не следует лгать королю, а ведь ни один смертный не скажет, что перед ним женщина. Придется тебе выдать себя, да еще и в присутствии придворных, которые будут на приеме.

Агнес не успела ответить: ворота раскрылись, и епископа со свитой пригласили во дворец.

Глава 9. В королевском дворце

Отпустив свой отряд, который расположился во дворе правого крыла замка, епископ Бруно в сопровождении двух рыцарей, оружие которых забрал Арни, направился во дворец.

Король Генрих Черный встретил гостей, сидя в кресле с высокой спинкой и подлокотниками из дерева в виде двух лежащих львов. По обе стороны от него стояли придворные, а у ног лежал огромный черно-пегий кобель. При виде вошедших он поднялся и зарычал, но Генрих, положив руку ему на загривок, успокоил его.

Трон стоял на возвышении, к нему вели три ступеньки. На самой верхней, прямо у собачьей морды, сидел человек в шутовском колпаке с бубенчиками и с любопытством разглядывал гостей. На губах его играла дурацкая улыбка, да и лицом он явно смахивал на дурачка, но глаза у шута были умные, взгляд цепкий. Наглядевшись, он поднялся, подошел к королю и, придав себе испуганный вид, сказал:

– Братец, не пора ли нам с тобой улепетывать отсюда? Эти двое, что с епископом в митре, кажется, пришли, чтобы разломать твой дворец. Погляди, одному из них впору ударом кулака свалить Минотавра, а другому – махать ослиной челюстью, разя филистимлян.

– Успокойся, Полет, дядя не станет приводить в дом вра-

гов, – улыбнулся король и, встав с кресла, пошел гостям навстречу.

Генрих Черный был плотный, среднего роста мужчина двадцати восьми лет. Лицо круглое, обрамленное прядями черных волос; завитые, они чрезмерно розданы в стороны, будто щеки у хомяка, и оттого голова его напоминает грушу. Усы густые, ровные, доходят до уголков рта. Нос прямой, глаза карие, излучают жизнерадостность. Они притягивают, в них хочется заглянуть. Любая женщина, отважившаяся на это, не преминула бы сказать: «Ах, государь, знаете ли вы, что у вас красивые глаза?»

На голове Генриха корона, на плечах мантия, расшитая золотыми нитями и украшенная драгоценными камнями. Походка у него ровная, уверенная, взгляд смел, горд, голову он держит прямо.

– Ваше преосвященство, я рад видеть вас у себя во дворце, – произнес король, припадая к руке епископа. – Вы первый гость, посетивший меня в новых чертогах, которые я недавно выстроил. Правда, они не совсем закончены.

– Перестань, Генрих, – едва заметно улыбнулся Бруно одними уголками губ. – Кого ты хочешь ввести в заблуждение относительно нашего родства, своих придворных? Только новички в этом зале могут не знать, что ты мой двоюродный племянник.

– Хорошо, пусть будет так, – сделал король величественный жест рукой. – Но ты все же епископ, дядя, лицо важное,

первое после монарха. Столь высокий духовный сан порождает в человеке известную степень величия, притупляя порою дружеские и родственные чувства. Разве так не бывает?

– Не будем об этом, Генрих, ты прекрасно меня знаешь. Спросил бы лучше, все ли кости остались у меня целы, пока я добирался до тебя по ухабистой дороге. Впрочем, ее я не видел как таковую, вместо этого мой мул лавировал между рытвинами и буграми, стараясь не поломать себе ноги и не сбросить при этом седока.

– Что поделаешь, епископ, в южном направлении идут только паломники да бродяги, торговые же пути в другой стороне. Подожди, доберусь и до южных ворот, вот только закончу этот дворец. Как он тебе понравился?

– Выше всяких похвал. Я знал, что у тебя хороший вкус. Однако, государь, я к тебе по делу, ты, наверное, уже и сам догадался.

– Волнения в епархии? Туль готовит восстание против своего епископа? Одно слово, дядя, и я предаю огню и мечу этот город. Я хорошо помню услуги, которые ты оказал в свое время моему отцу и мне. Именно твоей дипломатии обязан я тем, что мятежный князь Богемский принес присягу империи в Регенсбурге, и ныне он мой самый преданный вассал. Это позволило мне сплотить баварцев и богемцев в борьбе против крестьянского короля²¹. Так я стал сюзереном

---

²¹ Аба Шамуэль – венгерский король (1041–1044), провозглашенный народом, восставшим против феодального гнета. Войска Абы были разбиты, а сам он –

венгров и их государя Петра. Затем ты нашел князя Казимира, мы с тобой вернули ему Польшу, и теперь он тоже присягнул на верность германскому королю. Неплохой щит, черт возьми, на востоке от набегов славянских племен; и огромное войско там, которое я всегда смогу поставить под свои знамена. И вот теперь ты у меня, епископ, и просишь, как я догадываюсь, о помощи. А эти рыцари, что с тобой? Вероятно, они здесь затем, чтобы клятвенно подтвердить сказанное тобою? Говори же, чего ты хочешь от меня? Идти на Туль?

– Гораздо дальше, государь; Туль здесь ни при чем. А эти рыцари здесь для того, чтобы предложить тебе свои услуги.

– Полагаешь, у меня недостаточно своих? Или сомневаешься в этом?

– Эти двое заменят тебе добрую центурию²², говорю тебе это как воин, ты ведь знаешь, при случае я могу неплохо владеть мечом.

Генрих внимательно поглядел на обоих рыцарей, подойдя к ним вплотную. Оба стояли с совершенно непроницаемыми лицами и бесстрастно глядели перед собой. Объект их взглядов – шут, который, строя забавные рожицы, тоже смотрел на них, больше – на Агнес.

Генрих славился своей силой, об этом знали все. Мог остановить коня на скаку и легко справлялся с тяжелым двуручным мечом, который обычный человек с трудом поднимал.

казнен.

²² Центурия – отряд воинов численностью в 100 человек.

И он решил убедиться, правду ли сказал епископ. Размахнулся и хлопнул Ноэля по плечу. Потом Агнес. Оба не шелохнулись. Шут подбежал и встал напротив них, качая головой из стороны в сторону, прикусив нижнюю губу и не сводя глаз с обоих.

– Добрые воины! – кивнув, воскликнул Генрих. – Ты привел их, чтобы они принесли мне присягу верности? Вот этот, например. – Он вперил взгляд в Ноэля. – Откуда ты, рыцарь? Где твоя башня?

– Мой отец Эд фон Верль, ныне Готенштайн, – с достоинством ответил молодой граф. – Я его единственный сын.

– Граф Эд? – сделал шаг назад король. – Сын Герберги Бургундской?..

– Именно так, государь.

– Черт возьми, что ты такое говоришь! Ведь Эд, сын графа Германа, по матери мне родной дядя.

– А ваша мать Гизела Швабская – его сестра.

– Но это значит, – король растерянно поглядел на Бруно, – что этот рыцарь – мой брат?!

– Вот та новость, что я привез тебе, Генрих, – улыбнулся епископ. – Надеюсь, ты не станешь меня ругать за это?

Король приблизился к брату, вновь пытливо взгляделся в его лицо и обнял за плечи, теперь, впрочем, уже не пробуя силу.

– Но, черт возьми, – удивлению Генриха не было предела, – каким образом? Как ты очутился здесь? Откуда знаешь

епископа? Говори же, Ноэль, не молчи! Видишь, я помню твое имя. Будучи еще подростком, я приезжал с отцом в замок к герцогу Франконии и видел тебя там. Ты был пажом и, наверное, уже не помнишь. А я не забыл. Уже тогда ты отличался ростом и силой. Помню, это меня поражало; я не перестаю удивляться и сейчас, ведь у нас с тобой была одна и та же бабка, дочь короля Конрада Тихого. Потом мы расстались и, увы, надолго. Но как ты меня нашел?

– Отец сказал, что у меня есть брат. До каких же пор нам с ним жить в неизвестности и отчуждении? И я решил отправиться на поиски.

– И тебя не смутило, что твой брат – король?

– Признаюсь, поначалу это меня озадачило: вряд ли появление кузена вызовет у короля бурный восторг. Но потом я подумал, что у внука герцогини Герберги не может быть холодного сердца и дурных мыслей, связанных с моим посягательством на трон германских королей.

– И правильно подумал, клянусь своей короной! Знаешь ли ты, что Генрих – сирота? У меня никого нет, Ноэль, я один на этом свете, понимаешь, совсем один. Но ты прости, я забыл о твоём существовании: голова раскалывается от забот, все надо успеть, везде надлежит навести порядок. Бесконечные войны – то на востоке, то в своем же государстве, у себя под носом... Видел мой дворец?

– У меня нет слов, государь, выразить свое восхищение.

– Здесь я отдыхаю от дел, забываю обо всем. К тому же

этот городок – настоящая жемчужина среди себе подобных.

– Я слышал эту историю, рассказывал один монах.

В это время шут вынырнул из-за спины Генриха и потянул его за руку. Король поглядел на него сверху вниз, поскольку шут был небольшого роста.

– Чего тебе, Полет?

– Ты нашел себе брата, куманек? – глупо заулыбался маленький человечек. – Поздравляю! А как ты думаешь, силен ли он, коли у него такой рост и такие плечи?

– Уверен. А ты, что же, думаешь иначе?

– Кто скажет про медведя, что он слаб, как заяц? Или я ошибаюсь, приятель? – обратился Полет к сыну Эда.

– Не думаю. Но если хочешь, можешь в этом убедиться, – ответил Ноэль. – Назначь мне какое-нибудь испытание. Вот, скажем, моя рука, – и он протянул ладонь. – Садись на нее. Представь, что это стул, даже лучше, ибо он мягче. Ну же, смелее. Полагаешь, я не удержу тебя?

Полет покосился на ладонь, повертел головой туда-сюда, разглядывая ее, и вдруг сорвался с места и убежал. Вскоре он вернулся, ведя за руку толстуху, еще меньше себя ростом, настоящую карлицу. В обхвате она, правда, была раза в два шире его.

– А ладонь? – спросил шут, искоса глядя на гостя. – Давай-ка ее сюда, дружок.

Ноэль, засмеявшись, протянул руку. Шут подтолкнул толстуху локтем.

– Смотри, Липерта, какой табурет! Мне предлагают сесть на него. Однако места здесь вполне хватит для двоих, таких, как я. Вот я и пошел за тобой. Но поскольку у тебя такой огромный зад, что ты, чего доброго, еще спихнешь меня, я предлагаю тебе сесть одной. Смелее, подружка! Но не засиживайся, как бы этому гиганту не надоело держать тебя.

Липерта поглядела на ладонь, потом окинула взглядом Ноэля, шута и остановила его на короле, словно спрашивая, не против ли он такого представления.

Генрих, от души смеясь, кивнул ей. Ободренная этим, она подошла ближе, но, прежде чем взобраться на такое «сиденье», поинтересовалась:

– А удержишь меня, рыцарь? Ведь если рука упадет, я ударюсь задом о плиты этого пола.

– Тебе это не повредит. Слон не страдает оттого, что падает на землю, – хихикнул Полет.

– Залезай смело, – подбодрил карлицу Ноэль, – я не позволю тебе упасть. Честь рыцаря запрещает мне это.

– Но не наглей, не на диване, – напутствовал подружку шут. – Засидишься – он выбросит тебя в окно, прямо в заросли тернового куста.

Вздохнув, собравшись с духом и заранее улыбаясь, зная, что в любом случае зрители захлопают в ладоши, Липерта повернулась и, задрав ногу, как ни в чем не бывало, уселась на ладонь.

Зал замер. Казалось, у людей остановилось дыхание, на-

столько все были поглощены небывалой сценой, развернувшейся на их глазах. Никто не произнес ни звука, все с интересом глядели на эту ладонь и на рыцаря с совершенно бесстрастным выражением лица. Ни один мускул не дрогнул на нем, и рука оставалась недвижимой, будто не карлица, а годовалый ребенок уселся на нее. Наконец послышались охи, ахи, и по залу пробежал возглас восхищения. Кто-то негромко проговорил:

– Клянусь всеми святыми, в это невозможно поверить! Что же сделает этот человек с врагом, окажись тот в его руках!..

– Если бы кто стал рассказывать мне об этом, выдавая за чистую монету, я рассмеялся бы ему в лицо! – воскликнул другой.

Генрих и сам был удивлен, да так, что даже рот раскрыл. Епископ тоже выглядел довольно обескураженным и, цокая языком, покачивал головой. Одна Агнес осталась невозмутимой, с улыбкой глядя на брата. Глаза ее горели восхищением.

Наконец, почувствовав, видимо, как дрогнула рука рыцаря или вспомнив о терновом кустарнике, Липерта задвигалась и соскользнула на пол. И тотчас зал разразился овациями.

Шут, кажется, остался доволен, как могло показаться со стороны. Однако, схватив за руку подружку и потащив ее обратно, он сказал Ноэлю:

– Это не всё, Самсон. Не уходи, я подвергну тебя еще одному испытанию.

И они оба исчезли за дверями. Тотчас оттуда послышался шум, чья-то ругань, тяжелый топот множества ног. Потом раздался скрежет, глухие удары; что-то стали везти, царапая пол; казалось, несколько человек, кряхтя, тащат нечто увесистое, что невозможно поднять.

Двери раскрылись. Показался Полет, вернее, его спина. Пятясь задом, он волочил по полу какую-то вещь. Слуги, помогавшие ему, застыли в дверях, не решаясь войти. Он цыкнул на них, и они исчезли. А он всё продолжал тащить некий длинный предмет, вероятно, невероятной тяжести. Вскоре все увидели: шут пыхтел над огромным двуручным мечом. Поднять это оружие было под силу разве что силачу. И драться тот мог бы, держа этот меч обеими руками. Понятно, попади лезвие в цель, оно разрубило бы человека вдоль, с головы до ног, точно щепку. Вне всякого сомнения, требовалось определенное время, чтобы поднять такой меч и взмахнуть им. Противники с таким оружием в руках ходили на двух титанов. Встречаясь, клинки издавали звон, от которого человек мог оглохнуть.

Именно такой меч и приволок Полет. Оставив свою ношу у ног Ноэля, он вытер рукавом балахона пот на лбу и стоял некоторое время, переводя взгляд с короля на рыцаря и тяжело дыша. Генрих покачал головой: одной рукой этот меч никто не мог поднять, даже он с трудом. Длина клинка около

пяти футов, ширина – с ладонь, толщина – с большой палец. Что же пришло в голову шуту? Негоже, если брату придется краснеть, не имея сил поднять эту игрушку, которая из-за невероятной тяжести служила всего лишь наглядным пособием. И Генрих вздрогнул, услышав, как шут сказал, обращаясь к Ноэлю:

– Поднимешь одной рукой? Можешь не махать, лишь подними.

Генрих собрался встать на защиту брата и уже раскрыл было рот, чтобы обратить слова Полета в шутку, но не успел. Ноэль взял меч, вытащил из ножен, отбросил их в сторону одной рукой, а другой, подняв клинок, со свистом рассек воздух над головой и вокруг себя.

Шут едва успел увернуться и, пятясь, упал на пол, задрожав с головы до ног. Нахмурился и Генрих, непроизвольно отойдя на пару шагов назад. Придворных точно волной смыло с того места, где они стояли. Теперь они, расширив круг, жались к окнам и со страхом глядели оттуда на неизвестного рыцаря, о котором можно услышать лишь в сказках.

Долго висело в зале молчание, пока гость стоял с мечом в руке, гордо глядя перед собой. Все ждали, чем кончится сцена. Улыбнувшись и поглядев на Полета, который все еще сидел на полу, обескураженно хлопая глазами, Ноэль сунул меч в ножны и бросил его на пол, прямо к ногам шута. Тот проворно вскочил и кинулся бежать к своему господину. Укрывшись за его спиной, он тотчас выглянул оттуда, покосился на

меч и, убедившись, что он уже не представляет опасности, вышел из своего убежища.

– Кум, – сказал он, обращаясь к королю, – я думал, у тебя во дворце только один дурачок. И ошибся. Оказывается, их двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.